

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые
на русском!

ДОМ БЕЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Продолжение бестселлера «Дом голосов»!

Донато Карризи
Дом без воспоминаний
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69894343

*Дом без воспоминаний: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;
2023*

ISBN 978-5-389-22542-8

Аннотация

Старая женщина каждое утро неизвестно почему просыпается в одно и то же время и едет в глухой лес, где однажды находит двенадцатилетнего мальчика. Мальчик жив и здоров, однако не в состоянии объяснить, что с ним произошло: он вообще не говорит. Единственный, кто может помочь, – Пьетро Джербер, флорентийский гипнотизер, специалист по работе с травмированными детьми. Джербер, еле переживший все, что выпало на его долю в романе «Дом голосов», берется за дело, голос к мальчику возвращается – и голос этот рассказывает чужую и очень страшную историю. Историю, случившуюся много лет назад; в ней были похищения, исчезновения, убийства, взрывы, а также орки – и ребенок, который заблудился во взрослом мире необъяснимой жутки и так и не смог найти выход. Джербер слушает, постепенно погружаясь в кошмар, – а за ним наблюдает сказочник, хранитель сказок, от которых стынет кровь...

Содержание

1	7
2	17
3	24
4	31
5	36
6	42
7	48
8	52
9	59
10	68
11	74
12	78
13	87
14	95
15	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Донато Карризи

Дом без воспоминаний

*Антонио и Витторио, моим сыновьям,
истинному моему таланту*

Donato Carrisi
LA CASA SENZA RICORDI

Copyright © Donato Carrisi 2021

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Из Районного командного пункта карабинеров
Барберино-дель-Муджелло

В Региональный командный пункт «Тоскана-
Флоренция»
(копия в Межрегиональный командный пункт
«Подгора»)

**Предмет: Сообщение о пропавших без вести
(номер протокола 66263707070 VR)**

7 июня 2020 года, приблизительно в 6:23, двое туристов, позвонив по 112, сообщили об автомобиле, брошенном среди леса в местности под названием Долина ада.

Туда был направлен патруль, и на шестнадцатом километре автострады 477 провинциального значения был действительно обнаружен автомобиль «фиат-панда» (номер CR990FR) темно-бордового цвета. У машины, припаркованной у обочины дороги, ведущей к перевалу Самбука, были открыты все двери и багажник. Шина на левом заднем колесе была проколота. Присутствие на асфальте запасного колеса и домкрата, все еще подсунутого под днище, говорило о том, что водитель пытался заменить колесо, но попытка не была доведена до конца или не удалась.

В салоне были найдены многочисленные личные вещи, принадлежащие предположительно женщине и мальчику, в частности одежда, одеяла и прочие предметы, позволяющие сделать вывод, что данный автомобиль служил для этих двоих единственным местом проживания.

Из паспорта транспортного средства явствовало, что подержанный автомобиль приобрела в 2017 году *Мирбана Шульета Лачи*, по прозвищу Мира, уроженка Албании, 44 лет. Женщина, проживавшая в Италии на протяжении почти четырех лет, в прошлом работала

няней в нескольких семьях в зоне Муджелло, а с недавних пор сочетала нерегулярную работу уборщицы по дому с постоянным местом посудомойки в пиццерии.

Женщина жила с двенадцатилетним сыном по имени Николин, по прозвищу Нико.

На неблагополучные условия, в которых жила семья, обращали внимание социальные службы, в частности из-за того, что сын периодически переставал посещать школу.

Доказательством того, что в машине находились именно женщина и мальчик, является свидетельство, согласно которому в последний раз их видели около 18:00 предыдущего дня на заправке «ТоталЭрг» поблизости от Пьедимонте, когда они оба брали бутерброды из автомата.

С тех пор не удалось получить никаких сведений о местопребывании матери и сына.

В ожидании дальнейших сведений просим оповестить все службы в означенном регионе.

23 февраля 2021 года

В ту среду владелица конюшни проснулась в своей постели без всяких преамбул, просто открыв глаза. И опять-таки, в ту среду, как все последние дни, первым делом повернулась к будильнику с механическим заводом, который стоял на прикроватной тумбочке, и убедилась, что стрелки показывают ровно 3:47.

Наверное, стоило задуматься, почему уже несколько недель она просыпается в одно и то же время, ни минутой раньше, ни минутой позже. С одной стороны, в ней крепло убеждение, будто такое число что-то значит, это некое каббалистическое предсказание, странное в ее преклонные годы. С другой стороны, не стоит углубляться в подобные материи, ибо в старости лучше оставлять некоторые вопросы без ответа. Чтобы, например, не сглазить или просто из осторожности. Иначе сразу начнешь задаваться другими вопросами, гораздо более значимыми. Например, в чем смысл жизни и что именно происходит после смерти. Когда тебе восемьдесят два, таких вопросов лучше избегать. Тем более что старики, хотя и не смеют в этом признаться, уже знают ответы.

Так что тайна трех часов сорока семи минут останется с ней все то время, какое ей самой осталось, и в ту ночь, когда внутренние часы ошибутся хотя бы на минуту, она уже не

проснется.

Вообще-то, из-за бессонницы ей удавалось поспать максимум четыре или пять часов за ночь. Вот бы иметь такое обыкновение в двадцать лет. Теперь в ее распоряжении слишком много минут, а занять их почти нечем. Все старики знают, что если секунды бегут неудержимо, то минуты перекатываются тяжело, будто камни. Так что старость – борьба с временем, которое стремится к неизбежному, и с временем, которое, наоборот, никак не проходит. И правда, она еще до полудня закончит все дела, связанные с уходом за лошадьми. И начнет привыкать к скуке вечности.

Но какой у нее выбор?

Поэтому, как всякий раз поутру, женщина встала, сунула усталые ноги в сапоги, надела зеленую куртку и фетровую шляпу, сунула в нагрудный карман сигариллу «тоскано-классико». Перед тем как выходить, поцеловала мужа на свадебной черно-белой фотографии, заткнутой за зеркало трюмо, и затопила чугунную печку, чтобы вернуться в теплый дом.

Завела «ладу-ниву», чтобы мотор прогрелся, забрала двух сеттеров из выгородки между манежем и конюшней, велела им запрыгнуть в машину и направилась вместе с ними к перевалу Самбука, к заповедной зоне.

Ехала не спеша, то на второй, то на третьей передаче, не напрягаясь, ибо ее синяя «лада» привыкла к нежному обращению. Она не чувствовала потребности в новой машине,

ведь и сама уже была не «новая», только людей смешить. Так же она никогда не желала другого мужа, после того как ее собственный решил опередить ее на пути в потустороннюю тьму. Некоторые вещи трудно объяснить, и сравнение внедорожника семьдесят седьмого года выпуска с единственным мужчиной ее жизни – из их числа. И там, и там речь о привязанности, верности. Каждый раз, садясь за руль, она с гордостью вспоминала, как хвалил ее сотрудник автоинспекции, когда продлевал ей права. Превосходное зрение, отличные рефлексy. Отчасти в этом кроется и секрет счастливого брака. Не ослаблять внимания, быть готовой к любым неожиданностям. Ведь, как учила ее мама, беда приходит ко всем, рано или поздно.

Она остановилась у поляны посреди буковой рощи, откуда начинались тропинки, ведущие к бурной речке Ровиго и к ущелью, известному как Долина ада. Припарковавшись, выпустила собак, постояла, глядя, как они принюхиваются, привыкая к обстановке. Вынула из кармана сигариллу, принесенную с собой, разломила ее, половину сунула в рот. В лесу курить небезопасно, но ей нравилось просто жевать табак.

Она сама не знала, почему в последнее время каждый раз ездит сюда. Можно было бы выбрать другие места, куда красивее. Но этот маршрут вошел в привычку, вместе с числом 3:47 на циферблате будильника.

Может быть, она выбирала этот лес потому, что в былые

времена они с мужем здесь охотились. Охота, да еще любовь к лошадям – вот что соединило их. Владелица конюшни унаследовала эту страсть от отца; тот, породив на свет одних только дочерей, воспитал ее как мальчика. Никто и представить себе не мог, что она однажды выйдет замуж. Но это случилось. После смерти мужа она решила не оставлять охоту, но теперь ее двустволки были заклепаны и заперты на ключ – после того как ее внуки-подростки сурово отчитали бабушку, когда та явилась на рождественский обед с двумя прекрасными белыми куропатками. Чтобы унять молодежь, она могла бы поведать, как в двенадцать лет принимала участие в «облаве» на кабанов, и это стало для нее неким ритуалом посвящения. Именно на охоте она научилась чтить природу и животных. Еще могла бы добавить, что они в городе любят только собак и кошек и притом едят мясо из супермаркета. Но в конце концов, в тот день она вернулась домой пристыженная и опечаленная, поняв, что семейная традиция исчезнет вместе с ней.

Но сеттеров нельзя заклепать в квестуре, как ружья! Что бы там ни было, нужно позволять бедным псам порезвиться, дать волю инстинктам. Есть риск, что они «перегреются», как часто случается с подружейными собаками, бедняги бесятся, когда нет больше добычи, которую надо искать. Вот почему лошадница каждый день ездила в лес и отпускала сеттеров побегать, пусть им хотя бы кажется, что они здесь не просто так. Как и всегда, этим утром она языком

передвинула в уголок рта незажженную сигариллу и коротко, повелительно свистнула.

Повинуясь команде, два сеттера одновременно пустились бежать и скрылись в подлеске.

Через несколько секунд уже не было слышно ни хруста веток, ни шороха сухих листьев бука. До зари еще оставалось немного времени, но воздух уже начинал прогреваться, от росы поднималась сверкающая дымка, будто природа предчувствовала наступление дня. Иные точные попадания, непогрешимые детали всегда изумляли женщину, в могиле ей будет не хватать этих маленьких совершенств мироздания. Она глубоко вдохнула смолистый, пахнувший влажной землей воздух, сделала шаг в сторону и одновременно с шумом выпустила газы, облегчая кишечник, ведь одна из привилегий старости заключается именно в возможности осквернять совершенство мироздания. Она наслаждалась равнодушным покоем неподвижно застывшего времени, не заботясь о том, сколько таких моментов ей еще осталось, как вдруг ее поразило странное ощущение, никогда раньше не испытанное.

Она почувствовала, что здесь не одна.

То было не подозрение, а уверенность. Откуда она взялась, женщина не понимала. Длилось это едва ли мгновение, и не успела она осмыслить происходящее, как снова услышала вдали лай собак и устремила взгляд в том направлении, куда они убежали.

Собаки надрывались изо всех сил.

Сначала она подумала, что сеттеры подняли неосторожного зайчика, покинувшего норку до зари, чтобы раздобыть себе пропитание. Но в таком случае они бы уже показались в чаще, гордые собой, с добычей в зубах.

Но странное дело, собаки не возвращались.

Тогда, призывая их, женщина сунула два пальца в рот и издала резкий, продолжительный свист. Напрасно: собаки по-прежнему истошно лаяли. Вскоре принялись выть. Женщина поняла, что сеттеры пытаются привлечь ее внимание.

И догадалась: что-то удерживает их в лесу.

Не раздумывая вернулась к «ладе», вынула электрический фонарь из бардачка и углубилась в чащу.

Она продиралась, раздвигая кусты мозолистыми руками; какая-то ветка хлестнула ее по щеке, но она даже не заметила, ведь из-за того, как странно вели себя столь дорогие ей существа, и по причине недавно возникшего ощущения ее снедала тревога, и она молила Господа, в которого никогда не верила, чтобы страхи ее не оправдались, оказались фантазиями, часто посещающими стариков.

Светя фонарем прямо перед собой, женщина разглядела среди сплетения ветвей тени сеттеров, которые с маниакальным упорством носились по кругу, будто взяли кого-то в кольцо. Подойдя ближе, она посветила туда фонарем.

Их добычей был мальчик.

Женщина запнулась, шляпа упала с головы. Она при-

стальной взгляделась в ребенка. Лет одиннадцати-двенадцати, совершенно безучастный. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара. За этой матовой пеленой угадывалась шапка длинных светлых волос, из-под челки мерцали глаза ледяной, потусторонней голубизны. Сквозь кожу, прозрачную, тонкую, как веленевая бумага, просвечивали вены. Казалось, он слеплен из воска. Одежда на мальчике была зимняя, но он прижимал руки к груди и дрожал от холода. В глазах отражался луч фонаря. Было в этом нечто странное, и вскоре она поняла что.

Мальчик не моргал.

Ей ни за что не забыть этого взгляда. Логичней всего было бы спросить, что он делает один в лесу, среди ночи. Но, вопреки здравому смыслу, она вдруг оробела, побоялась услышать ответ. И спросила:

– Ты заблудился?

Восковой мальчик по-прежнему не сводил с нее глаз, безмолвный, без всякого выражения на лице.

– Как тебя зовут?

Никакой реакции.

А собаки продолжали его облаивать. Женщина энергично свистнула, призывая их к порядку, но псы не послушались. Попыталась снова, но они не подчинились команде. На ум пришло единственное объяснение: *собаки боятся*. Правильней было бы наоборот, и сцена представляла ирреальной, поскольку ребенок казался совершенно безобидным.

– Тихо! – завопила она тогда, подскочила к одному из сеттеров, замахнулась и слегка шлепнула его по морде.

Пес укрывся за ее ногами, его товарищ тоже. Оба дрожали. Чтобы успокоить собак, женщина вынула из кармана куртки пару кусочков вяленого сала и дала им.

– Поехали ко мне домой, оттуда свяжемся с кем-нибудь, хорошо? – предложила она, поскольку сотовый здесь не ловил и носить его с собой было бесполезно.

Предложение осталось без ответа.

– Ты, должно быть, проголодался, – предположила тогда владелица конюшни. На этот раз, уже не дожидаясь ответа, подобрала шляпу с земли, спокойно отряхнула ее, потом развернулась и пошла обратно к дороге. Она надеялась, что план сработает, ничего другого в голову не приходило. И, если честно, сама начинала бояться. Потом расслышала за спиной шаги и поняла, что мальчик идет следом.

Но собаки никак не могли успокоиться.

За время пути до конюшни мальчик не произнес ни слова. Он казался поразительно спокойным, невозмутимым. Будто и не принадлежал к человеческому роду. Он из иного мира, несомненно. Когда чуть позже заводчица лошадей смотрела, как он безмолвно поглощает хлеб с молоком, сидя по-турецки на полу перед топящейся печкой, ей вспомнилось ощущение, возникшее перед встречей: уверенность в том, что она в лесу не одна. И женщина укрепилась в мысли, что этот

мальчик – смерть.

Да, смерть разгуливала по лесам Муджелло, приняв облик ребенка.

Это смерть в последние недели каждое утро будила ее в 3:47, именно чтобы она подготовилась к встрече. Смерть звала ее в Долину ада, именно там ей назначив свидание.

Смерть ждала там, а теперь она сама привела смерть прямо в свой дом. И вскоре, утолив голод, смерть заговорит, голосом невинного ребенка провозгласит то, чего ни один из людей никогда не хотел бы услышать.

Что время настало.

Позвонив по один-один-два, лихорадочно ожидая, когда кто-нибудь придет и избавит ее от внушающего трепет присутствия, женщина взглянула на свадебную фотографию, заткнутую за трюмо, ища поддержки у покойного мужа. Уж он-то знал бы, что делать. В этот миг на нее снизошло озарение: она кое-что вспомнила. Уверенности не было, но об этом одно время поговаривали в округе.

Она ринулась в стоявший во дворе нужник, где на земле рядом со стульчаком лежала кipa старых местных газет. Принялась копаться в листках, пока не обнаружила экземпляр, датированный началом прошлого лета. Она удивилась самой себе и собственной памяти, ибо на страницах было именно то, что она искала. Женщина задумалась. Внезапно мысль о том, что мальчик имеет непосредственное отношение к смерти, показалась не такой уж сумасбродной.

Существовал только один способ проверить, права она или нет. Женщина вернулась к своему молчаливому гостю с газетой в руках.

– Нико? – позвала она нейтральным тоном.

Мальчик перестал есть. Потом устремил на нее взгляд.

2

– У меня до сих пор ноги в песке, – посетовала Лавиния. – Нужно было сполоснуть, прежде чем заходить в дом, теперь разнесу повсюду.

– Не страшно, – сказал Пьетро Джербер.

– Надеюсь, я достаточно намазалась кремом: в прошлом году ужасно обгорела, – заволновалась девочка.

– Все в порядке, – успокоил ее Пьетро. Потом, пытаясь развеять ее тревогу, сменил тему. – Ты хорошо поплавала?

– О да, – отвечала девочка, довольная. – Заплыла далеко-далеко, до самых буйков.

Одна из причин, по которой он привел Лавинию к морю: психолог знал, что плавание успокаивает ее.

– Зачем мы сюда пришли? – подозрительно осведомилась она.

– Затем, что важно начать сначала...

Лавиния задумалась, взвешивая его слова.

– Начать сначала... – повторила она.

– Я еще ни разу не бывал в твоей комнате, – подхватил Пьетро, чтобы не потерять нить.

Девочка огляделась.

– Когда-то в этой комнате жила мама, когда ей было столько лет, сколько мне. Я оставила все, как было, ничего не трогала.

– Почему?

– Потому что знала, как она всем этим дорожит и как ей не понравится, если я стану клеить на стены постеры и убирать ее вещи с полок. Коллекцию раковин, например.

– Расскажешь мне что-нибудь о доме, а?

Лавиния задумалась.

– Это домик бабушки, она тоже девочкой приезжала в Форте... Думаю, его построил ее дед, тот, что владел судовой верфью.

– Тогда он совсем старинный.

– Да, кажется, есть какое-то название для витражей с большими яркими цветами и для стен, расписанных выюнками. Бабушка мне все время говорила...

– Стил либерти, ты хочешь сказать.

– Вот именно! Просто на языке вертелось! – От улыбки на ее щеках появились ямочки.

– Сколько времени ты здесь не была? – спросил детский психолог.

Но девочка сменила тему.

– Такая толпа сегодня на пляже, – пожаловалась она. – На «Аннетте» целые семьи с детьми, какой-то мальчишка строил замок из песка прямо рядом с нашим зонтиком.

Джербер рассудил, что Лавиния еще не готова принять истинную причину, по которой они прибыли сюда, и решил ей подыграть.

– Тебе идет этот лазурный купальник.

– Правда? – просияла она, польщенная.

– Правда, – подтвердил Пьетро.

– Вообще-то, я бы его не надела, если бы вы не настаивали. Мне было неловко, не мешало бы похудеть на пару килограммов: глядите, какие складки жира.

– А я, знаешь ли, думаю, что купальник на тебе прекрасно сидит.

Лавинии было четырнадцать лет, и мать привела ее к Пьетро Джерберу, потому что девочка перестала видеть себя такой, какой она была в действительности. Кожа да кости, весом не более тридцати килограммов. Но психолог не был уверен, что лечение приносит пользу. На протяжении бесчисленных сеансов он обнаружил нечто вроде барьера у нее внутри. Его воздвигла сама Лавиния. Мало-помалу Джербер подходил к нему все ближе. Барьер из воображаемого жира был необходим для того, чтобы помешать боли захлестнуть ее. Вместе с тем, однако, он не давал проникнуть и всему прочему – в частности, пище, необходимой для выживания. Если сразу убрать блок, может произойти катастрофа. Вместо того чтобы разрушить преграду, Джербер хотел, чтобы Лавиния заглянула в щелку.

Однако то, что ждет по другую сторону, вряд ли ей понравится.

Но пока основная проблема доктора Джербера состояла в том, что девочка плохо поддавалась гипнозу. Поэтому он попросил у ее матери разрешения привести ее в домик у моря,

где Лавиния, по ее собственному признанию, провела самые прекрасные мгновения своей еще недолгой жизни.

– Кто ночует в комнатах рядом? – спросил гипнотизер.

– Справа – мамина новая спальня, – тут же ответила девочка.

– А слева?

Лавиния помрачнела.

– Ничего, там ничего нет, – заторопилась она. – Там пусто.

– Ты уверена? – поддел ее Джербер. – Может, пойдем посмотрим?

Девочка немного подумала.

– Сейчас не хочется.

– Ну же, вперед, дай мне руку, я с тобой, мы это сделаем вместе. Это совсем не трудно...

– Ладно, – робко согласилась она.

Для Джербера это был существенный прорыв. Он позволил ей идти впереди, сам двигался следом.

– Дверь заперта, – заявила Лавиния, едва они подошли.

– Но в замочной скважине ключ, видишь? – подбодрил ее психолог.

Лавиния никак не решалась.

– В чем дело? – спросил он, хотя уже знал ответ. Перед ними не просто дверь, а граница. Запретная комната. Если Лавиния войдет, ее жизнь изменится навсегда. А к этому она не была готова. Пока.

Она заговорила резко, почти злобно:

– И что же случится там, внутри: вы попробуете гипнотизировать меня, как раньше? Может, примените какой-то новый трюк...

– Я уже объяснял тебе, как это работает: у меня нет никакой власти, ты все решаешь сама. Если ты не захочешь, я не смогу проникнуть в твой разум.

Ее дыхание участилось. Она не спускала глаз с запертой двери, Джербер это знал.

– Я не хочу здесь оставаться, пойдем отсюда, – решительно заявила она.

– Рано или поздно ты должна будешь открыть эту дверь, Лавиния. Тебе самой это известно.

– Не сегодня, не сейчас.

Но Джербер настаивал:

– Что там, в той комнате? Чего ты так боишься?

– Не сейчас, прошу вас, пожалуйста. – Теперь она умоляла.

– С тобой ничего не случится, я рядом, – попробовал Джербер вселить в нее уверенность.

Помолчав немного, девочка спросила:

– Это правда, что вас называют улестителем детей?

– Да, – признал гипнотизер.

– То, что вы хотите сделать, точно не причинит мне вреда?

Девочка спрашивала, можно ли ему доверять. Ощутимый шаг вперед.

– Я открою тебе один секрет, хочешь?

– Хочу, – ответила она, чуть расслабившись.

– Какое сегодня число?

Вопрос застал ее врасплох.

– Точно не помню... – смутилась она. – Какое-то февраля.

– Вот именно, – подтвердил Джербер. – Тебе не кажется странным, что в феврале стоит такая жара и что ты даже искупалась в море?

– Да, в самом деле, – признала девочка. И вдруг поняла. – Мы не в домике в Форте-деи-Марми... *Мы у меня в голове...*

Джербер промолчал.

– Невероятно, – продолжала Лавиния, все еще не веря. – Все такое... *настоящее*.

– Твой разум сейчас – самое безопасное место в мире, Лавиния. Верь мне, здесь с тобой не может случиться ничего плохого.

– Вы это имели в виду, когда недавно сказали, что мы должны начать все сначала?

– Да, – признался он.

– Не нравится мне тут, не нравится мне это начало. – Девочка уже задыхалась. – Я хочу уйти, как мне отсюда выбраться?

К сожалению, эксперимент не принес ожидаемых плодов, и Джербер не мог принудить ее остаться.

– Хорошо, как пожелаешь, – проговорил он мирно. – Сейчас ты услышишь звук, не пугайся.

– Уже слышу, – подтвердила девочка.

То был размеренный металлический стук. Он все время служил фоном, только с какого-то момента исчез в подсознании Лавинии вместе с ощущением реального мира.

– Давай вместе посчитаем от десяти до нуля... Ты готова?

– Да.

Обратный отсчет еще не закончился, а Лавиния уже открыла глаза. Перестала раскачиваться в кресле-качалке и недоумевающе огляделась вокруг. Кабинет на мансардном этаже. Книжный шкаф. Красный ковер, усеянный игрушками. Огонь в камине. Балки на потолке. Серый свет дождливого дня просачивается сквозь задернутые шторы: в щелочку видна, в отдалении, площадь Синьории.

Джербер протянул руку к столику, стоящему рядом, и выключил электронный метроном. Стук, который вернул их обратно, будто канат водолаза, прекратился, уступив место потрескиванию дров.

– Не вставай, погоди, – посоветовал психолог: вдруг у девочки закружится голова. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо... Да, я чувствую себя хорошо... – повторила Лавиния, будто убеждая саму себя. Потом, все еще опираясь о спинку кресла-качалки, повернулась к Пьетро и несколько секунд пристально вглядывалась в него. Коралловый пуловер, очки, взъерошенные волосы. Может, хотела понять, настоящий ли он.

– Как так вышло? – спросила девочка. – Я даже ничего не заметила...

Лавиния в первый раз полностью поддалась гипнозу.

– В этом и дело, важно, чтобы ты ничего не заметила, –

подтвердил Джербер. – Но это случилось не в единый миг, понадобилось время. Ты сама к этому пришла: с каждым сеансом на ступеньку выше.

– И что теперь будет? – робко осведомилась она.

– Ты увидела дверь. Рано или поздно найдешь в себе силы открыть ее, – заверил гипнотизер, вставая с кресла, чтобы распахнуть шторы: там, за стеклами, матовыми от влаги, Флоренция играла в прятки.

– А если не получится?

Этот вопрос Джербер не желал себе задавать, ведь, если у Лавинии не достанет мужества повернуть ручку двери, злобная сущность, обитающая за порогом, так и останется с ней на всю жизнь.

– Мы что-нибудь придумаем, – утешил он девочку, избегая прямого ответа.

Лавиния посмотрела на часы.

– Мама скоро придет за мной, может, уже и ждет внизу. У меня сегодня плавание, и домашнее задание надо сделать.

Джербер заметил, что девочка быстро пришла в обычное расположение духа, мягкое и с виду спокойное. Дети обладают невероятно мощной способностью к самовосстановлению. Но она не всегда срабатывает, часто это лишь видимость. Психолог протянул девочке руку и помог подняться. Такая легонькая, как воздушный шарик, который вот-вот улетит.

– Увидимся в четверг, после школы, согласна?

Девочка кивнула, надела куртку, оставленную на вешалке, подобрала с пола рюкзачок с книгами и, улыбаясь, направилась к двери.

– До свидания, доктор Джербер.

Он видел, как девочка выходит в коридор, оставляя позади дверь в кабинет напротив: Лавиния не знала, что и у ее доктора есть своя запертая комната. Джербер редко входил в кабинет *синьора Б.* За последние пять лет даже не нашел в себе силы вынести оттуда вещи или найти ему другое применение. Он отрекся от отца, но после его смерти оставил там все, как было.

– Возьми яблоко из корзинки, – крикнул он девочке вслед, слыша, как та вприпрыжку бежит к выходу. В приемной всегда лежали свежие фрукты для маленьких пациентов.

– Ладно, – отозвалась Лавиния.

Когда по наступившей тишине Джербер понял, что остался один, он снова сел в свое кожаное кресло с палисандровой отделкой, уже настолько принявшее форму его тела, что никто другой не мог бы удобно устроиться в нем. Взял авторучку, черный блокнот, отведенный под историю болезни Лавинии, и принялся писать:

Сеанс 23 февраля 2021 года

ЗАМЕТКИ

После трех месяцев терапии у Лавинии

наметился прогресс: она позволила мне привести ее в знакомое место, где она чувствует себя в безопасности.

Однако она еще не готова: какая-то часть психики упорно устраняет важный отрезок прошлого. Но Лавиния избегает воспоминания, уже не идя на компромисс с самой собой, а попросту пытаясь выжить.

Поскольку дело обстоит так, необходимо, хоть это и представляет опасность для ее хрупкой психики, следовать в данном направлении, чтобы опередить события.

Призрак, обитающий внутри ее, рано или поздно заявит о своем присутствии.

Джербер закрыл блокнот, но остался сидеть в кресле. Он инстинктивно поднял взгляд на потолок, на красную лампочку прямо над его рабочим местом. Она была подсоединена к кнопке того же цвета, которая находилась на стене в приемной. С пациентами существовала договоренность: они не должны были отпраиваться на сеанс сразу по приходе. Они могли немного подождать, подготовиться и только потом нажать на кнопку; тогда Джербер выходил им навстречу. Но в тот день Лавиния была последней пациенткой.

Гипнотизер оставил свободные часы в расписании, чтобы подготовить статью для журнала по психологии, но вдруг понял, что у него нет настроения. Ему хотелось вернуться домой, явиться перед Сильвией с букетом цветов и прове-

сти вечер в боях динозавров с сынишкой Марко, трех с половиной лет. Ковер под его ногами был тоже усеян игрушками, карандашами и раскрасками, все это создавало иллюзию, будто его кабинет – самое безопасное для ребенка место. Хотя часто это бывало не так.

Именно здесь многие детишки встречались со своими демонами.

Он встал с кресла, приободренный решением вернуться домой, и открыл створку книжного шкафа, за которой стояли, выстроившись в ряд, блокноты в безликой черной обложке, в которых он делал записи о сеансах с пациентами.

Джербер поставил туда блокнот Лавинии.

Надо будет выключить свет на этаже, но первым делом, закрыв створку шкафа, Пьетро погасил огонь в камине: опасно оставлять открытое пламя в комнате с деревянными перекрытиями. Сколько раз он об этом забывал: такой рассеянный. Растяпа, сказала бы Сильвия. Разгребая кочергой пылающие угли, Джербер думал о том, сколько раз увещевания жены уберегали его от неприятностей. Ему показалось, будто кто-то открыл, а потом закрыл за собой входную дверь.

– Лавиния? – окликнул он, полагая, что девочка что-то забыла и вернулась.

Никто не ответил.

Сквозняк, подумал Пьетро. Он снова принялся возиться с камином, припоминая, что прямо на углу есть цветочный магазин, и, возможно, поужинав и уложив Марко, они с

Сильвией могли бы посмотреть какой-нибудь старый фильм и понежиться на диване. Но его отвлекла беззвучная красная вспышка, на долю секунды попавшая в поле зрения.

Он поглядел на потолок. Вспышка не повторилась. Но тут уже сквозняк ни при чем.

Пьетро разогнулся, вытер руки и решил пойти проверить. Выглянул в коридор: пусто. Тогда он пошел в приемную с твердым намерением разгадать загадку. Завернул за угол и не обнаружил никого. Красная кнопка, предназначенная для пациентов, уставилась на него, как неподвижный глаз, сам по себе выросший на стене. Психолог направился к двери, распахнул ее, огляделся, но на площадке был только он один. Джербер вдруг понял, что подсознательно ожидал услышать шаги на лестнице. Однако нет: было тихо. Он перегнулся через перила, но ничего не разглядел в темноте.

— Кто здесь? — спросил в полной тишине, опасливо, будто непременно ожидая ответа от вторгшегося к нему незнакомца. Голос эхом прокатился по пустой лестнице, и Джербер со стыдом ощутил внутри какой-то детский трепет.

Он вернулся в мансарду, закрыл дверь, на этот раз как следует. Развеселившись, покачал головой. Прodelки разума, сказал он себе: сколько раз ему самому приходилось объяснять маленьким пациентам, что не стоит верить всему увиденному? Это последствия сеанса с Лавинией, ведь гипнотизер сам зачастую до некоторой степени вовлекается в транс. Но, возвращаясь в кабинет, он случайно взглянул на кор-

зинку с яблоками, стоявшую в приемной. Подошел ближе: неужели и то, что он видит наяву, что предстает перед его глазами, тоже плод воображения? Когда он взял яблоко, лежавшее сверху, то сразу понял, что оно настоящее.

Кто-то воткнул в него иголку с длинной голубой ниткой.

Было только пять часов вечера, но зимняя мгла уже опустилась на Флоренцию, сверкающей черной пеной расплзаясь по улицам и переулкам исторического центра.

Пьетро Джербер шел по улице деи Кальцайоли под мелким дождем, запахнувшись в старый плащ «Burberry» и держа в руках букет желтых тюльпанов. Он никак не мог выбросить из головы, что кто-то воткнул в яблоко иголку с голубой ниткой. Здравый смысл упрямо отказывался признать, что такой поступок, безответственный и опасный, мог быть связан со странным ощущением, возникшим, когда психологу показалось, будто кто-то вошел в мансарду и быстро вышел.

Нет, тут наверняка что-то другое.

Яблоки были свежие, он утром купил их в магазинчике овощей и фруктов и сам положил в корзинку. Там точно не было никаких иголок. Напрашивалось единственное объяснение: шалость кого-то из маленьких пациентов или, что хуже, сознательное вредительство взрослого, сопровождавшего ребенка на прием. Пьетро стал перебирать в памяти всех, кто приходил к нему в этот день. Сразу исключил Филиппо: ему всего пять лет, он послушный мальчик и не мог бы задумать такую пакость. Его отца можно было бы заподозрить: он недавно потерял работу и испытывал тяжелый стресс. Но

потом Джербер припомнил, что мужчина привел к нему ребенка и тотчас же удалился, даже не заходя в мансарду, пользуясь сеансом, чтобы устроить какие-то свои дела. Камилла не задерживалась в приемной: Джербер встретил ее на лестничной площадке, а потом проводил вниз, где ждала бабушка, которой трудно было подниматься по лестнице из-за артроза. Десятилетний Мартин пришел сам, это мог сделать он, однако Джербер не спешил включать его в список подозреваемых, поскольку мальчик все еще мучительно переживал гибель обоих родителей в автокатастрофе. Наконец, оставалась Лавиния, но и за ней он отказывался признавать вину – девочка была склонна скорее причинять вред себе самой, чем другим.

Дети приходили к нему, чтобы преодолеть травматический опыт, пищевое расстройство, девиацию в поведении или в умонастроении. Жизнь уже подвергла их тяжелым испытаниям, а они еще не владели орудиями самозащиты, не умели избегать ловушек, расставляемых реальностью. Пьетро Джербер хорошо знал, что часто отчаявшиеся родители или опекуны прибегали к гипнозу как к последнему спасительному средству. Поэтому теперь он испытывал неловкость, ведь ему приходилось рассматривать своих хрупких, несчастливых пациентов под таким неожиданным углом.

Сейчас единственным утешением служило то, что, слава богу, никто, выходя из кабинета, не взял из корзинки яблока с иголкой. Тем не менее, вместо того чтобы выбросить

ее, гипнотизер воткнул иголку в воротник плаща: хотел показать Сильвии, спросить, что она об этом думает. Оставил как напоминание, до тех пор пока загадка не разрешится. Но пришел к выводу, что входную дверь нужно всегда держать на запоре.

Борясь с тревожными мыслями, Джербер свернул на улицу делле Оке, или Гусиную улицу, где, по причуде городской застройки, эхо до сих пор воспроизводило гогот гусей, давших ей название, ибо в старину на День Всех Святых здесь устраивали ярмарку и продавали этих птиц. Пройдя мимо роскошного палаццо четырнадцатого века и средневековой башни, принадлежавшей семейству Висдомини, он вышел на улицу делло Студио, где с 1860 года располагается универмаг Пенья. Первоначально то была химическая фабрика, которая со временем – неизвестно, как и почему – стала предлагать клиентам съестное. Так что наряду с москательным товаром, клеем и лаками там стали торговать разными деликатесами. Ребенком Пьетро Джербер заходил сюда с *синьором Б.*, и случалось, к примеру, так, что отец покупал воск, чтобы натереть рамы картин, а в результате они возвращались домой с пакетиком вкусных карамелек, наполненных сладким ликером.

Проходя мимо магазина, Джербер подумал, что там наверняка найдется что-нибудь, чему Сильвия обрадуется, равно как и цветам.

Чуть позже ему упаковали подносик с сырокопченой си-

енской ветчиной и овечьим сыром, выдержанным в соломе. Приятный сюрприз для жены: он вернется раньше обычного, нагруженный неожиданными дарами. И они вместе откроют бутылку «Брунелло».

Вечер обещал быть чудесным.

Джербер считал, что такие попадания в точку необходимы для того, чтобы поддерживать на плаву даже самый счастливый брак. Как и у всех пар, за почти пять лет у них с Сильвией случались взлеты и падения, но ничего такого, чего нельзя было исправить. До «случая Холл». Так они это называли, держась на безопасном расстоянии от событий, поставивших под угрозу их отношения. В ту пору Джербер удалил от себя жену и сына, но только чтобы защитить от вторжения в их жизнь таинственной пациентки, единственной взрослой, какую ему когда-либо приходилось лечить. Но Сильвия оказалась более зрелой и ответственной, чем он, и с присущими ей дальновидностью и силой воли совладала с кризисом, не позволив их браку разбиться вдребезги.

Когда тем вечером, воодушевленный самыми радужными перспективами и преисполненный лучших намерений, Пьетро Джербер переступил порог своей квартиры, его встретило нечто неожиданное.

В прихожей стояла ваза с желтыми тюльпанами, точно такими, какие он сжимал в руках.

Пока он спрашивал себя, как это возможно, его настиг царящий в доме холод и непроницаемая тишина. Его окружала

пустота. Одно за другим подступали сомнения; Пьетро растерялся. Почему никого нет? Куда все подевались? Что случилось? Потом из темноты ему навстречу выскочил с немym воплем призрак горестной действительности.

С тех самых пор, как он отправил их прочь, Сильвия с Марко так и не вернулись.

Насильственное подавление воспоминаний – крайне опасная техника самогипноза. Главным образом потому, что она приносит лишь временное облегчение.

Каждое утро, перед тем как выйти из дома, Пьетро Джербер подвергал себя острашению: путем определенных дыхательных упражнений можно заставить разум устранить причину боли, запереть ее поглубже, в дальнем уголке сознания. Это не всегда получалось. Но то был единственный известный Джерберу способ обходиться без лекарств, психотропных или антидепрессантов, которые не позволили бы ему успешно продолжать работу с пациентами.

«Я сам принес цветы и поставил их в вазу. Вчера вечером», – сказал он себе, припоминая.

Потом вошел в квартиру со сводчатыми, покрытыми фресками потолками, расположенную в старинном здании исторического центра. Пока он в полумраке проходил по пустым комнатам, вся истина по частям всплывала на поверхность. Сильвия переехала в Ливорно, потребовала и получила развод, а теперь жила с новым другом. Их отношения остались уважительными, но свелись к минимуму. Суд постановил, что Джербер может забирать сына к себе на выходные два раза в месяц. Но, заметив, что ребенок чувствует себя скованно рядом с отцом, что ему не по себе в этом старом

флорентийском доме, Пьетро с согласия уже бывшей жены решил ограничиться воскресными визитами.

Причиной всему стала Ханна Холл.

С ее появлением весь жизненный уклад Пьетро Джербера разлетелся на куски. То был настоящий взрыв, но в замедленной съемке, поэтому он мог наблюдать, минута за минутой, за тем, что творится вокруг него, но не мог ничего остановить. И что хуже всего, Ханна Холл канула в небытие, прежде чем Джерберу удалось получить от нее все ответы. Гипнотизер остался с повисшими в воздухе вопросами, которые преследовали его.

Окалиной, оставшейся после взрыва, стало глухое одиночество.

Джербер выбросил тюльпаны в мусор и открыл бутылку вина. Захватив подносик с ветчиной и сыром, из последних сил приплелся в гостиную, забился в угол дивана и включил видеомagneтофон.

Сильвия купила на барахолке старую видеокамеру и вбила себе в голову, что семейная хроника должна иметь такое же разрешение, такие же цвета, что и в девяностые годы, когда они с Пьетро были детьми. Видеокассета, предназначенная для Марко, в конце концов досталась Джерберу: единственная реликвия большой, как тогда казалось, любви.

Он каждый вечер смотрел этот фильм. Без звука: было не так больно.

Жалкие сорок пять минут фрагментов. На пленку были записаны какие-то дни рождения, воскресные поездки, отпуск на море, Рождество. Все это вырывалось из ускользавшего времени, пока видеокамера не сломалась окончательно и бесповоротно, как и все остальное.

Кто-то другой считал бы такие просмотры пыткой, которой легко избежать. Глядя в экран, Джербер уже не питал несбыточного желания вернуть все, как было. На этих кадрах гипнотизер раз за разом искал некую незамеченную деталь, некий знак, указывающий на грядущий разлад, допущенную ошибку, трещину, предвещающую крушение. Как будто бы все это можно было исправить прямо там, в прошлом; как будто бы он владел магической формулой, позволяющей поворотить время вспять.

Пьетро Джербер знал причину крушения своего брака, ее не было на видеозаписи, что также было ему хорошо известно, хотя он и не желал себе в этом признаться.

Поэтому ему достаточно было раз за разом предостерегать людей, которые улыбались с экрана. Предупреждать себя самого, и Сильвию, и Марко о том, что должно случиться, чтобы они трое могли спастись и оставаться счастливыми хотя бы там, на пленке.

Начать сначала. Не это ли он все время твердит своим юным пациентам? Вот и Лавинии недавно втолковывал, что необходимо вернуться назад. Но у самого не хватало духу, и когда он самогипнозом отматывал свою память, словно

пленку на видеокассете, то останавливался за секунду до того, как все начинало рушиться.

Потому что хотел до бесконечности переживать не прошлое, а тот самый момент. Момент совершенного счастья.

Он съел все, что принес с собой, не отрывая взгляда от телевизора, позволяя алкоголю мало-помалу приглушать тоску, чтобы зрелище становилось терпимым. Сколько раз, опять пришло ему на ум, он сидел на этом самом месте и ждал, когда Сильвия вернется из комнаты Марко, уложив его спать. Ее приближающиеся шаги в полутемном коридоре, ее появление на пороге. Он часто подзывал ее к себе под каким-нибудь предлогом, и они занимались любовью прямо тут, посреди этих подушек. Торопливо, боясь, что сынишка проснется и помешает им. Сейчас он вообразил, как отводит волосы с ее затылка, припадает к теплой шее, впивается в плоть долгим поцелуем. Увидел, как жена запрокидывает голову, прикрывает глаза, отдается его ласкам. Представил, как расстегивает на ней блузку, ласкает грудь. Почувствовал, как ее рука проникает за ширинку; их дыхание сливается. Но когда в этой фантазии Сильвия повернулась к нему, ища его губы, то была уже не она.

То была Ханна.

Снова незнакомке, явившейся из другого мира и другого времени, удалось вторгнуться в интимное, личное пространство. И он ничего не мог поделать, был бессилен перед чарами, которые уже унесли прочь огромную часть его жизни. Но

может быть, он хотел ощутить это до конца, уничтожиться в объятиях химеры с двумя головами, двумя лицами. Черты Сильвии проступали на лице Ханны, и наоборот: в этом сне наяву две женщины постоянно сменяли друг друга, будто в неудавшемся эксперименте по клонированию.

Обольстительный кошмар прервался резким звонком домофона.

Джербер моментально протрезвел и думать забыл о сексе. Одиннадцатый час вечера. Кто это мог быть?

Он выключил видеомэгнитофон и пошел открывать дверь, все еще с бокалом в руке. Перед ним возникли двое мужчин в темных костюмах. Одного взгляда хватило, чтобы понять: это карабинеры в штатском. Только они завязывали галстук так, как полагалось по форме.

– Чем могу быть полезен? – спросил психолог, когда те показали ему удостоверения.

– Вы должны пройти с нами, доктор Джербер.

– Я никуда не пойду, пока вы не скажете, в чем дело.

– Нас послала судья Бальди, она хочет вас видеть.

Старая знакомая раньше часто обращалась к нему за экспертными заключениями для суда по делам несовершеннолетних. Но после случая Холл Джербер и с ней порвал отношения. К тому же судья никогда не вызывала его в столь поздний час, тем более не посылала за ним карабинеров.

Должно быть, дело серьезное.

– Простая формальность. – Один из офицеров явно соврал, чтобы Джербер отбросил сомнения. – Судье нужна консультация.

Джербер знал, что противиться бесполезно, однако вспомнил с содроганием, что и история с Холл началась с банальнейшего телефонного звонка.

– Только возьму плащ и чистый блокнот, – наконец проговорил он, соглашаясь.

Все, что угодно, лишь бы сбежать от нашествия призраков и скверных воспоминаний.

Шаги шедших впереди карабинеров в штатском гулко разносились эхом по пустынным улицам и переплетенным, словно кишки, переулкам исторического центра. Все трое молча преодолели небольшое расстояние до единственного непримечательного здания между блистательными дворцами четырнадцатого века, выходящими на улицу делла Скала.

Здание, в котором располагался суд по делам несовершеннолетних, имело богатую историю: можно сказать, на протяжении веков прожило несколько жизней.

Вначале тут находился приют для сирот, незаконнорожденных детей, брошенных младенцев. Монашеский орден, содержавший его, обязывался пестовать этих детишек из милосердия, но также и прятать их от глаз тех, кто считал их появление на свет грехом перед лицом Господа. Говорили, будто стены такие толстые, чтобы извне не было слышно, что происходит внутри. Хотя сейчас в здании совершалось правосудие в интересах несовершеннолетних, мрачные отголоски прошлого порой все еще давали о себе знать, пусть иные и считали, что подавленные стенания связаны с особенностями архитектуры дворца и слышатся только при северном ветре. Другие были уверены, что это плач детей, хранимый камнями.

Пьетро Джербер никогда не бывал там после заката.

Карabinieri проводили его до мраморной лестницы, ведущей на верхние этажи. На середине пролета его ждала Ани-та Бальди. Строгий темный костюм, седые волосы собраны в узел. По возрасту она могла уже уйти на пенсию, но все время просила продлить срок полномочий. С другой стороны, и руководство было только радо, что она остается.

Она не только имела самый большой опыт в делах, касающихся детей. Она была лучшей.

По озабоченному выражению на ее лице гипнотизер понял, что речь идет не о простой формальности, как ему было обещано, и этой ночью ему предстоит нечто большее, чем простая консультация.

Чуть позже судья ввела его в свой кабинет на втором этаже. Стену за письменным столом Бальди покрывала странная фреска, доходившая до потолка. Она изображала преисподнюю. На исходе Средневековья в этой комнате принимали роды у проституток и незамужних матерей. В качестве покаяния роженицы вынуждены были взирать на адские муки, пока производили на свет плод своего греха. Но творение неизвестного художника было почти полностью скрыто под необъятным коллажем из детских рисунков: то были подарки маленьких подопечных судьи, скопившиеся здесь за долгие годы. Джерберу всегда приходили на ум *ex voto*¹, которые верующие оставляют в церкви в знак благодарности за оказанную милость. По сути, эта смелая женщина, пусть и не

¹ Обетное подношение (лат.). – Здесь и далее примеч. перев.

святая, спасла немало душ.

Бальди даже из вежливости не поинтересовалась, как дела с семьей, что происходит в его личной жизни и почему у него такой изнуренный вид. Между тем они не виделись больше полутора лет. Судья лишь спросила походя:

– Ты как?

– Хорошо.

Такого ответа, полученного второпях, ей оказалось достаточно, может быть, потому, что у нее не было иного выбора, кроме как довериться психологу. Бальди вкратце изложила ему суть дела.

Найден ребенок.

Это произошло в тот же день, на рассвете, в лесах Муджелло, благодаря пожилой владелице конюшни, которая там выгуливала собак. Мальчика зовут Николин, он пропал восемь месяцев назад вместе с матерью, после того как прокололась шина автомобиля, в котором они жили с тех пор, как оставили свою последнюю квартиру. Инцидент произошел на единственной асфальтированной дороге, пересекающей природный заповедник: чуть дальше покрытие кончается и начинаются грунтовые дороги и горные тропы.

– Никто до сих пор не понял, что они делали в такой глуши, – заключила Бальди.

Джербер с трудом припомнил фотографию в газетах: старая малолитражка, битком набитая вещами, брошенная на обочине, с колесом, снятым с оси, и распахнутыми дверями.

Это произошло в первых числах июня.

– Поломка была небольшая, что могло случиться?

– Следствие выдвинуло две гипотезы, обе весьма правдоподобные. Первая, самая драматичная, что мать и сын неосмотрительно бросились искать помощи и заблудились в лесу... Было бы разумнее вернуться назад по дороге, но их, возможно, застигла темнота, и они потерялись – как теперь узнать?

– Но если бы это было так, за столько месяцев они бы оба погибли, – заметил Джербер. – А вторая версия?

– Более обнадеживающая: автомобилист, проезжавший мимо. Добрый самаритянин, подсадивший их к себе в машину и неизвестно где высадивший. В конце концов, женщина и мальчик привыкли жить одним днем, поэтому исчезли из поля зрения социальных служб. Ожидалось, что они вот-вот объявятся где-нибудь в другой части Италии. Или же, поблуждав немного, попросту вернутся в Албанию: женщине, по сути, здесь ничего не светило, она бралась за самую скромную, низкооплачиваемую работу.

– И чем же не устраивал такой расклад?

– Дело в том, что, хотя история и не получила продолжения, в тех краях ее долго обсуждали...

– ...и в последующие месяцы ни один добрый самаритянин не объявился и не сообщил о том, что подвез женщину с ребенком, которых все ищут, – закончил за нее психолог. – Но появление мальчика опровергает обе версии. Поэтому с

сегодняшней ночи существует третья, так? – Он наконец понял, почему Бальди так встревожена.

– Именно: эту версию мы определили как «непроясненную», и я бы хотела, чтобы ты ее прояснил.

– Каким образом? – заинтересовался Джербер.

– Мальчик не говорит, – объявила судья, садясь за старинный стол из орехового дерева; Джербер продолжал стоять. – До сих пор не проронил ни слова, хотя на свое имя реагирует. Документов при нем нет, но в его личности нельзя усомниться: он полностью соответствует описанию, данному двумя сотрудниками социальных служб, которые наблюдали за матерью и сыном до того, как они исчезли. Но если мы хотим что-то понять, следует расспросить ребенка, иначе останется слишком много неразрешенных вопросов. – Она стала перечислять: – Что именно случилось в тот июньский день? Куда подевалась мать? И главное: где он сам находился все это время?

– И я должен снять с него блок? – Джербер уже проделывал это раньше. Он вспомнил случай с пятилетней девочкой, которая однажды замкнулась в необъяснимом молчании, а под гипнозом призналась, что няня обижала ее в отсутствие родителей.

– Дело в том, что Николин с виду не запущенный, не исхудалый, разве что волосы слишком отросли. Он пропал летом, но на нем сейчас зимняя одежда. И место, где его нашла пожилая собачница, недалеко от того, где их с матерью сле-

ды потерялись.

Джербер по-прежнему не понимал.

– Судья, что именно вы хотите мне сказать?

– В этой истории полно белых пятен, Пьетро. В конечном счете истина может оказаться более простой и одновременно ужасающей, чем мы пытаемся себе вообразить. Знает ее только мальчик. – Бальди не могла подобрать слов, чтобы выразить угнетавшую ее мысль. – Итак, что ты предлагаешь?

Гипнотизер вытащил из кармана плаща черный блокнот, страницы которого пока еще были девственно чисты.

– Открыть игровую комнату.

«Игровая комната» и впрямь была комнатой, полной игр. Только все они служили другой цели.

Исследовать сознание детей.

Она во всем походила на детскую, разве что кровати там не было. На полу – палас всех цветов радуги. Стены соломенно-желтые, увешанные постерами, которые менялись в зависимости от возраста и пола ребенка, туда попадавшего на время. Для самых маленьких – мультяшные персонажи. Или кумиры подростков: певцы, рок-группы, спортсмены. Игрушки тоже менялись, от поездов и кукол до головоломок и видеоигр.

Главное – помочь несовершеннолетнему отвлечься от травмы, которую он получил, что-то увидев или испытав, и выслушать его рассказ. Благодаря играм дети обычно вели рассказ без напряжения, не то что в кабинете следователя или в зале суда.

Комнату готовили детские психологи, все было продумано, каждый предмет играл свою особую роль. Если мальчик или девочка с ожесточением набрасывались на пупса или куклу, можно было предположить, что дети подвергались насилию. Сеансы всегда проводились профессионалами, а микрокамеры, скрытые в стенах, записывали все, что происходило, для последующего занесения в протокол. Еще

была стена с фальшивым зеркалом, за которой стояли судья, секретарь, иногда и присяжные; силы правопорядка, обвиняемые и их защитники.

В игровой комнате необязательно прибегали к гипнозу. Это рискованно: умелый адвокат всегда мог обжаловать свидетельство против своего клиента как полученное методом внушения, а потому не вполне соответствующее действительности. Судья Бальди тем не менее в наиболее сложных случаях прибегала к сотрудничеству с *синьором Б.*, а когда тот умер – с его сыном Пьетро.

Зачастую только так можно было восстановить непростую истину.

Отдав карабинерам распоряжение подготовить все к сеансу, Бальди повела Джербера в игровую комнату. В коридоре психолог заметил старика в сапогах и зеленой куртке: он стоял, прислонившись к стене и потупив взгляд. Тербил шляпу в мозолистых руках и жевал потухшую сигариллу. Когда они проходили мимо, на мгновение поднял голову и почтительно поприветствовал их. Только тогда Джербер понял, что перед ним мужеподобная женщина.

– Кто это? – спросил гипнотизер.

– Владелица конюшни, которая нашла Николина в лесу, – ответила судья.

– Почему она еще здесь?

Бальди пожала плечами:

– Ей сказали, что она может ехать домой, но она твердит,

что не хочет оставлять мальчика одного.

Эта женщина, подумал Джербер, которой движет чувство ответственности за судьбу совершенно чужого ребенка, достойна уважения. Он буквально читал ее мысли: коль скоро ей выпало найти Николина, значит что-то или кто-то препоручил мальчика ее заботам.

Гипнотизер вошел в игровую комнату. Он уже и не помнил, сколько времени там не бывал. На мгновение испытал нечто вроде клаустрофобии, задержал дыхание, чтобы привести в порядок расстроенные чувства, прекрасно притом осознавая, что он уже не тот, что прежде.

Приступим, сказал он себе.

Снял плащ, положил его в угол прямо на палас, потом зашучил рукава джемпера и закатал до локтей клетчатую рубашку. Потом стал готовиться к приему пациента. Снял постеры со стен, разложил игрушки по ящикам. Нужна была нейтральная обстановка. Оставил только цветные карандаши и листы белой бумаги, в беспорядке лежавшие на низеньком столике, расположенном посередине: мальчик – албанец, поэтому он, возможно, плохо говорит по-итальянски, рисунки помогут общению.

С помощью диммера на стене отрегулировал интенсивность света. В комнате нашелся старый электронный метроном, похожий на тот, что остался у него в мансардном кабинете: Джербер установил на нем ритм в четыре четверти, с сильной долей на первом такте.

Затем позволил карабинерам ввести юного Николина.

Николин переступил порог комнаты чуть позже полуночи. Первым делом огляделся вокруг, возможно пытаясь определить, откуда доносится назойливый фоновый стук, но не вызывая никакой реакции. На мальчике был пуловер с рисунком ромбами, под ним светлая рубашка; фланелевые брюки и поношенные кроссовки «Адидас». Светлые волосы шапкой опускались на лоб, почти закрывая голубые глаза; черты лица были тонкие, нежные, что подчеркивала молочно-белая кожа. Хотя мальчик и находился на пороге отрочества, признаков полового созревания не наблюдалось.

– Входи, Нико, – пригласил Джербер, употребляя то же уменьшительное имя, каким, насколько ему сказали, мальчика называла мать. Потом указал на низкие стулья вокруг столика, чтобы тот сел на любой, какой ему приглянется. – Меня зовут Пьетро, – представился психолог. – Добро пожаловать.

Как и следовало ожидать, ребенок не произнес ни слова. Однако сел.

Чтобы тот успел освоиться, Джербер не спеша закрыл дверь, потом бросил взгляд на зеркальную стену, давая понять стоявшим по другую сторону, что сеанс сейчас начнется. Когда он повернулся к мальчику, Николин уже выровнял цветные карандаши и собрал в стопку листы бумаги, разбро-

санные по столу. Особой надобности в этом не было, и никто его об этом не просил.

Джербер уселся рядом с мальчиком, ожидая, что, аккуратно сложив бумагу и карандаши, он что-нибудь нарисует. Но Нико так и сидел, облокотившись о столешницу, опустив голову, скрестив руки и неотрывно глядя на левую манжету, которая высывалась из-под рукава джемпера.

Джербер заметил, что пуговичка почти оторвалась, болталась на нитке. Мальчик тербил ее пальцами, больше ни на что не обращая внимания.

И за все время ни разу не моргнул.

Это сразу показалось психологу странным. Он решил проверить, долго ли ребенок может так продержаться. Сорок секунд. Вроде бы немного, но на самом деле – целая вечность, если учесть, что обычно человек моргает каждые пять секунд. Даже не зная причины, Джербер должен был учесть эту аномалию.

– Сейчас мы кое-что попробуем, ладно? – Психолог не ждал ответа, поэтому сразу продолжил: – Слышишь стук? Я хочу, чтобы ты хорошенько сосредоточился и начал вдыхать и выдыхать в тот момент, когда звук становится громче, – объяснял он.

Николин дышал размеренно, но не попадал в такт.

Джербер не был уверен, что мальчик его понял, поэтому повторил свою просьбу и, чтобы успокоить ребенка, добавил:

– Это позволит тебе расслабиться, будет хорошо, вот увидишь.

Но Николин продолжал терзать пуговицу на манжете.

Тогда Джербер протянул руку к электронному прибору и повернул ручку, чтобы приспособить ритм к дыханию мальчика. Но сразу заметил, что Нико не поддается. Решил добавить короткую ноту, которая звучала то выше, то ниже.

Бесполезно: пациент сопротивлялся гипнозу. Казалось, для него существует только одна проклятая пуговица, висящая на нитке. Ничто иное не могло затронуть его, настолько глубоким было погружение.

Растерянный взгляд Джербера упал на карандаши и бумагу. Войдя в пустое помещение, совершенно незнакомое ему, Николин сразу ощутил неодолимую потребность привести в порядок разбросанные вещи.

«Обсессивно-компульсивное расстройство», – догадался психолог.

Одновременно интуиция подсказала ему, что делать. Слишком волноваться не стоит: если он ошибся, это быстро выяснится. Гипнотизер встал, прошел в угол комнаты и поднял с паласа свой плащ.

К лацкану была приколата иголка с голубой ниткой, которую он нашел в яблоке, перед своим кабинетом.

Джербер вынул ее, вернулся к столу. Ласково взял мальчика за руку и оторвал пуговицу вместе с ниткой, тоже голубой, по совпадению. Николин, не противясь, наблюдал за

его действиями. Тогда Джербер новой ниткой стал спокойно пришивать пуговицу к манжете. Он мог вообразить, что думает Бальди, стоя по ту сторону зеркала. Наверняка спрашивает себя, какого черта тут происходит. Но психолог был уверен, что выбрал правильный ход.

Действительно, когда пуговица вернулась на место и порядок вещей был восстановлен, мальчик обратил на психолога внимание. Вскоре его дыхание замедлилось, он понемногу погружался в состояние покоя. Пользуясь этим, Джербер настроил метроном.

Тогда Нико вошел в легкий транс. Верные признаки – блуждающий взгляд, безвольно повисшие вдоль тела руки.

– Ты меня слышишь? – спросил гипнотизер.

Он ожидал, что мальчик просто кивнет, и удивился, когда тот ответил:

– Да.

Психолога воодушевил столь неожиданный успех.

– Знаешь, где ты сейчас?

Короткая пауза.

– Нет.

– Знаешь хотя бы, как ты сюда попал?

– Нет.

Второе отрицание – дурной знак: похоже, у ребенка спутанное сознание, что-то вроде посттравматического шока.

– Знаешь, кто ты такой?

– Да, – ответил он на этот раз утвердительно, но по-преж-

нему будто на автомате.

Джербер ожидал услышать акцент, типичный для иностранца, которому пришлось учить итальянский язык, и чистое произношение удивило его.

– Может быть, помнишь, как тебя зовут?

Мальчик не ответил, но дыхание участилось: банальнейший вопрос привел его в смятение.

Джербер решил не настаивать – подвешенное состояние, в котором находился мальчик, казалось шатким и могло нарушиться с минуты на минуту.

– Что последнее ты помнишь? – спросил он тогда.

– Лес.

Будто внезапно вызванный к жизни, лес материализовался, вырос вокруг них.

– И что было в лесу?

Мальчик заволновался:

– Сначала три условия, потом вопросы.

Джербер недоумевал. Фраза сама по себе непонятная, а главное, повелительный тон звучал до странности неуместно. Точнее говоря, *диссонировал* в устах ребенка, хотя психолог не мог точно определить почему. Он решил перевести разговор на другую тему.

– Помнишь тот случай на дороге, когда твоя мама проколола колесо?

Нико кивнул.

– Что ты помнишь?

– Это сделал я, – проговорил мальчик.

Ответ привел Джербера в замешательство.

– В смысле – это сделал ты? Хочешь сказать, что это ты проколол шину?

– Да, – сухо подтвердил он.

Ответил без колебаний, подумал гипнотизер. Это также показалось ему странным.

– Зачем? – попробовал он уточнить.

Мальчик вроде бы задумался. Потом выпалил на одном дыхании:

– ...Арнау раньше, чем остальные, догадался, куда он прилетит, но уже не мог ничего поделать...

Фраза не имела смысла.

– Кто такой Арнау?

Николин молчал.

Гипнотизер приписал эти слова своего рода вмешательству: будто воспоминание, явившееся неизвестно откуда, произвольно внедрилось в попытку восстановить факты.

– Расскажешь мне о матери? – спросил он.

– Арнау раньше, чем остальные, догадался, куда он прилетит, но уже не мог ничего поделать, – нараспев повторил мальчик.

Пытается уйти от темы? Есть только один способ узнать: настоять на своем.

– Нико, что случилось с твоей мамой? – спросил он прямо.
Молчание.

– С ней что-то произошло?

– Да.

– Это сделал Арнау?

– Нет.

– Тогда кто?

– Это сделал я.

Та же фраза, что и раньше, то же четкое, чистое произношение. Джерберу стало не по себе. Он вдруг пожалел, что не остался дома в этот вечер. Находиться здесь стало невыносимо.

– Что ты имеешь в виду? Поясни, пожалуйста, – через силу продолжил он.

На этот раз мальчик медленно повернулся лицом к психологу. Пристально посмотрел на него и повторил ледяным тоном:

– Это сделал я.

Первый сеанс: 24 февраля 2021 года

Пациент: Николин (12 лет)

ЗАМЕТКИ

Я вывел его из транса, снова оторвав пуговичку с манжеты рубашки. Обратный отсчет не потребовался. Это действие как будто «отключило» его. После чего мальчик снова замкнулся в ненарушимом молчании.

После сеанса Николин не имел ясного представления ни о том, что поведал мне, ни о последствиях, которые это повлечет для него. Очнувшись, он устремил на меня такой невинный взгляд, как будто впервые взирал на мир.

Тут Пьетро Джербер вспомнил, какое огромное сочувствие испытал тогда к ребенку-монстру.

Подняв голову от черного блокнота и оглядев полупустой коридор суда, где он сидел на пластиковой скамейке, психолог понял, что слишком сильно вовлечен в этот случай. Такого с ним никогда не случалось, и это было неприемлемо. Из-за подобного душевного состояния он серьезно рисковал утратить беспристрастность, особенно в конце сеанса.

Судья Бальди расценила последнюю фразу, которую произнес Нико, как явное признание вины. Карабинеры были того же мнения. Прокуратуру сразу поставили в известность о том, какой трагический оборот принимает дело. Хотя заявление, сделанное под гипнозом, не имело той же законной силы, что признание как таковое, сейчас они станут искать доказательства, его подтверждающие.

На заре лес, где нашли ребенка, начнут прочесывать с собаками, натасканными на поиски трупов.

Джербер не мог избавиться от мысли, что никто с таким же усердием не искал мать и сына сразу после исчезновения, когда они оба, по всей вероятности, были еще живы. Возможно, потому, что они бедные, а главное, потому, что не итальянцы. И общественное мнение тоже не слишком ими интересовалось. Наверное, сейчас неожиданный поворот дела даст достаточно пищи для социальных сетей, будет чем насладиться пользователям.

В конечном счете истина может оказаться более простой и одновременно ужасающей, чем мы пытаемся вообразить.

Именно это сказала Анита Бальди, излагая Джерберу причины, по которым требовалось его вмешательство. И в свете того, что произошло потом в игровой комнате, слова судьи оказались не просто предчувствием.

Этот мальчик скрывал некую тайну, слишком для него большую.

Поскольку и тысячи сеансов гипноза не хватило бы, чтобы добраться до нее и понять, что на самом деле произошло с мальчиком, роль детского психолога на этом, можно сказать, заканчивалась. Поставив подпись под свидетельскими показаниями, он мог идти домой. Ему не нужно было и дальше копаться в этой истории, и он, наверное, больше никогда бы не увидел Нико. После того, что случилось сегодня ночью, такая мысль приносила облегчение.

И все-таки он продолжал записывать свои впечатления в блокнот, который завел специально для случая с мальчиком.

Может быть, потому, что, ожидая соблюдения формальностей, через открытую дверь кабинета он успел услышать версию, к которой все больше и больше склонялись следователи. А именно: что Николин, под каким-то предлогом заманив мать в безлюдную местность, нарочно устроил инцидент с проколом шины. Воспользовавшись ситуацией, убил ее, избавился от тела, а потом углубился в лес, чтобы запутать следы.

Даже если на мгновение представить, что двенадцатилетний мальчик способен разработать такой план, то как он мог несколько месяцев выживать, прячась в лесу? Но это не слишком волновало следователей. Там оставались брошенные хижины, где он мог укрываться. Что до еды, он мог время от времени выходить из леса на хутора или в окрестные селения, красть пищу или, на худой конец, рыться в помойке.

Однако Джербера такая версия не убеждала.

Он не мог отделаться от впечатления, что мальчик выглядит сытым и, что заметила и судья Бальди, внешне он не запущенный: как с одеждой, так и с личной гигиеной все в порядке. Наверное, этому тоже найдется объяснение, но психолог не одобрял методов следствия, направленных на то, чтобы подогнать факты под наиболее удобную версию.

Единственной, кто отказывался верить в очевидное, была пожилая владелица конюшни, которая нашла Нико в лесу: узнав, что ребенка отправят в заведение для несовершеннолетних преступников, она сама поняла, какой оборот принимает дело, хотя никто и не сообщил ей о так называемом признании. Женщина стала возмущаться, потребовала, чтобы ей дали поговорить с судьей. Но ее попросту попросили удалиться.

Направляясь к выходу, она, с опущенной головой, прошла мимо Джербера, и тот огорчился за нее и за то, как с ней обошлись.

Тем временем ожидание затягивалось до бесконечности, и гипнотизеру представилась возможность в подробностях припомнить все, что происходило в игровой комнате. Заново анализируя сеанс, воспроизводя в памяти слова мальчика, он увидел несообразности, которые никак не складывались в логическую цепочку.

Мелочи, но чем больше он размышлял, тем упорнее пытался отыскать в них смысл. Решил занести их в тетрадь.

Когда я спросил, как его зовут, Николин пришел в смятение.

Затем упомянул некоего «Арнау».

Еще одна деталь: он говорит без иностранного акцента, может ли ребенок за четыре года так хорошо освоить итальянский?

Наконец, диссонирующая фраза.

«Сначала три условия, потом вопросы».

Джербер отдавал себе отчет, что его занятие чисто умозрительное, почти вовсе бесполезное, ведь он сам в глубине души не видел альтернативы тому, что Николин, несмотря на юный возраст, совершил нечто ужасное. Может быть, лучше не ломать голову, не искать воображаемых путей в обход реальности, это лишь жалкие уловки, не позволяющие принять тот факт, что миром правит слепая, немилосердная сила, поэтому даже дети могут запятнать себя невыразимыми преступлениями. Стало быть, не стоит упорствовать в поисках выбивающихся из контекста деталей, он всего лишь утонет в водовороте мыслей, но это вряд ли изменит положение вещей.

Но еще кое-что нарушало логическую цепочку.

Пуговица, вот-вот готовая оторваться, и то, что у меня были при себе иглолка и нитка такого же голубого цвета, кажется мне сейчас совпадением, слишком... совпавшим.

Записывая это, он осознал, что последняя заметка уже не относится к оценке психического состояния ребенка, а он как консультант, приглашенный судом, должен избегать подобных умозаключений, даже если они напрямую касаются его самого. Он будто снова пытается найти истину, не совпадающую с официальной версией. Но ведь это задача следователей, не его.

Около трех часов утра женщина-карабинер наконец позвала его в кабинет, где он подписал протокол, в котором излагалось его мнение как эксперта. Когда речь зашла о том, чтобы подтвердить виновность ребенка, Пьетро Джербер на мгновение заколебался. Хотя по возрасту Николин не мог отвечать за убийство перед судом и ему нельзя было предъявить обвинения, заключение эксперта могло омрачить его будущее. Много раз, занимаясь делами несовершеннолетних, психолог сталкивался с аналогичной ситуацией: ответственность была огромной. Но никогда еще ему не было так тяжело поставить свою подпись внизу листа.

Закончив дела, он не испытал желания задержаться еще или снова встретиться с Бальди. Он полагал, что судья занята решением новых проблем, возникших при дальнейшем рассмотрении этого сложного случая. Через несколько часов предполагалась пресс-конференция, и Джербер прекрасно знал, во что это выльется.

Мир обретет нового флорентийского монстра, на этот раз в облике ребенка.

За первоначальной шумихой и замешательством последует более низменное чувство: любопытство. Начнется оголтелая охота за нездоровыми подробностями, и ужас рассеется, уступив место более обыденной литургии, состоящей из слухов и сплетен. На самом деле люди, прослышав о кровавом деянии, первым делом ищут страницу преступника в соцсетях. И только потом – страницы жертв. Будто показывающий абсолютную вменяемость профиль будущего монстра в «Фейсбуке» или «Инстаграме», уже таит в себе ростки злодейства или безумия.

Но зло не всегда можно объяснить.

И Джербер хотел, чтобы эти люди ощутили то же, что он сам испытал в игровой комнате, тот же ужас, то же смещение, какие психолог почувствовал, прежде чем Николин снова стал всего лишь ребенком. Будто бы два существа находились внутри его.

Безобидный двенадцатилетний мальчик и хладнокровный убийца.

Быстро спускаясь по мраморной лестнице, чтобы покинуть суд, психолог сжимал в кармане черный блокнот, в котором исписал только две страницы. Остальные так и останутся нетронутыми, а блокнот окажется в его архиве, под вечной охраной врачебной тайны, которая не позволит ни огласить его содержание, ни уничтожить его.

Улеститель детей с радостью выкинул бы его в первую же

урну. Но так делать нельзя.

Едва он вышел на улицу, как порыв холодного ветра чуть не втолкнул его обратно в здание. Прежде чем двинуться дальше, Джербер запахнулся в плащ и встретил стихию лицом к лицу. На исторический центр надвигалось нечто ирреальное, воздух был буквально пропитан влагой.

Капли как будто сочились с небес, хотя дождя не было.

Вокруг по-прежнему ни души. Слышались только удары Львиного колокола на башне Арнольфо, которая возвышалась над палаццо Веккьо. Джербер подумал, что следует пойти поспать, ведь первая встреча назначена на девять утра, а ему нужно отдохнуть перед очередным сеансом, особенно после такой ночи.

Он направлялся домой, когда отчетливо услышал у себя за спиной шаги. Ему стало не по себе. Он пошел быстрее. Но неизвестный не отставал.

Это Джербера насторожило.

В другое время он не усмотрел бы здесь никакой связи. Но память, словно в насмешку, услужливо изобразила дверь кабинета в мансарде, которая открылась и закрылась сама собой, а также красную лампочку, оповещавшую о приходе пациента, которая зажглась, хотя в приемной никого не было. А потом он обнаружил иголку в яблоке.

Пьетро Джерберу была знакома сила самовнушения, он хорошо понимал, что дать волю воображению означает потерять контроль над поступками. Чтобы пресечь буйный по-

лет фантазии, он остановился и резко обернулся.

Джербер ожидал, что человек, идущий следом, обгонит его и пройдет мимо, а он скажет себе: «Вот дурак...» Но преследователя, казалось, смутила его внезапная решимость, и он замедлил шаг, что удивило психолога.

На несколько мгновений установилась полная тишина. Потом незнакомец, кем бы он ни был, пошел к Джерберу.

– Я не хотела вас напугать, – виновато проговорила владелица конюшни, которая нашла Нико в лесу; она даже сняла шляпу, чтобы представиться.

Джербер решил, что он, наверное, сильно побледнел, иначе зачем было извиняться.

– Простите, но я ничего не могу вам сказать: меня связывает врачебная тайна, – торопливо выпалил он и без обиняков развернулся, чтобы идти дальше.

– Этот мальчик не моргает.

Джербер не забыл об аномалии, но слова женщины освежили ему память. Он снова повернулся к ней.

– Я не собиралась вас ни о чем спрашивать, – продолжала та, радуясь, что наконец-то заполучила его внимание. – Просто я не могу держать такие вещи в себе, мне необходимо кому-нибудь рассказать, – добавила она чуть ли не умоляющим тоном.

О каких таких «вещах» она говорит?

– Не понимаю, разве вы не все рассказали карабинерам?

– Я ответила на все их вопросы, – напряглась лошадица.

Но, очевидно, было что-то еще.

– Если упустили что-то важное, вы должны тотчас же вернуться и дополнить свои показания.

– Я хотела пройти к судье, но та не пожелала меня при-

нять...

Джербер вздохнул:

– Вам известно, что вас могут обвинить в препятствовании правосудию?

– Не думаю, что мои слова что-то изменят, хотя... Не знаю...

Что она имеет в виду?

– Случилось кое-что, хотя не знаю, случилось ли это на самом деле. Были какие-то странные... *совпадения*, – заявила она. – Вот почему я об этом не сказала. Но когда поняла, что вы можете обвинить ребенка, предположить, будто он причинил вред своей матери, я подумала: а вдруг это важно?

Она запинаясь, выглядела смущенной. Джербер все-таки решил уделить ей несколько минут.

– Я знаю кафе, которое работает всю ночь: идемте со мной, там все как следует объясните.

Чуть позже они сидели за единственным столиком крохотного заведения, где продавался кофе: убогая клетушка в двух шагах от базилики Санта-Кроче, но там вот уже почти пятьдесят лет варят самый вкусный эспрессо во Флоренции.

Пар с пыхтением вырывался из медной кофеварки, их окутывал аромат горячих, прямо из печи, круассанов, которые принес официант, а Джербер старался понять, что имела в виду пожилая владелица конюшни.

– Что ж, расскажите мне все сначала и ничего не бой-

тесь, – проговорил он ободряюще.

– Дело в том, что я уже несколько недель просыпаюсь ночью в одно и то же время: в три сорок семь, – приступила женщина, поднося к губам чашечку горячего кофе: она обхватила ее ладонями, словно маленькое гнездо. – Не знаю, почему так получается, но каждый раз я смотрю на будильник и вижу эти цифры.

Психологу был известен такой феномен.

– Вы страдаете бессонницей?

– Да, – призналась она.

– Тогда это нормально: речь идет об иллюзии, которую создает мозг, это обрывок сна в БДГ-фазе, ее еще называют «фазой быстрого сна». Вы думаете, что просыпаетесь всегда в одно и то же время, а на самом деле вам только снится, что вы смотрите на будильник.

Но владелицу конюшни такое объяснение, похоже, не совсем убедило.

– Есть еще кое-что, – добавила она. – Раз уж мне приходится вставать в такую рань, я пользуюсь этим и каждое утро отвожу собак в лес, где когда-то охотилась с мужем, пока внуки не стали смотреть на меня как на живодерку, – пустилась женщина в разъяснения. – Но всегда приезжаю в одно и то же место, в Долину ада.

Джербер не понимал.

– Почему не в другое?

– Сама не знаю: каждый раз, садясь в машину, говорю се-

бе, что поеду куда-нибудь еще, но всегда оказываюсь там.

Психолог не знал, что отвечать. Ситуация ему казалась абсурдной, но обижать женщину он не хотел, поэтому дал ей договорить.

– Два моих сеттера носятся полчаса как сумасшедшие, а потом я отвожу их обратно домой.

Джербер знал, что именно при таких обстоятельствах этим утром и был найден Николин.

– Ваши собаки нашли мальчика.

– Да, но это не все... – Поставив чашечку на стол, лошадица, охваченная непонятной тревогой, заламывала пальцы, на которых виднелись мозоли от кожаных поводьев. – Я всегда оставляю свою «ладу» на пяточке, откуда начинается тропа. И сегодня утром я была там, еще до восхода солнца, поэтому почти ничего не видела, но...

– Но что? – внезапно заинтересовался Джербер.

– У меня возникло впечатление, что я не одна.

– В каком смысле?

– Я как будто знала, что мальчик там, в лесу... за секунду до того, как залаяли собаки.

– Вы слышали шорох, заметили что-нибудь странное?

Женщина покачала головой, закусив губу. Она была напугана, смущена.

Джербер не хотел унижать ее, объясняя, что, возможно, это самовнушение: по его мнению, речь шла о фантазиях пожилой женщины, которую слишком сильно задело произо-

шедшее. Но все-таки эти фантазии шли на пользу, заставляли задуматься: ведь и он сам испытал странное ощущение, когда пытался разговорить Николина.

Чье-то присутствие.

Да, складывалось впечатление, будто кто-то еще находится вместе с ними в игровой комнате. Но гипнотизер не смог бы толком объяснить это, даже самому себе. И кто-то проник к нему в мансарду, чтобы воткнуть иголку с ниткой в яблоко. Джербер уже не был так уверен, что это было сделано из недобрых побуждений.

«Тот, кто воткнул иголку, попросту хотел, чтобы я ее заметил и захватил с собой», – вдруг догадался он.

Ведь только когда он пришел пуговичку, которая болталась на манжете Нико, мальчик заговорил. Возможно, блок у двенадцатилетнего ребенка не был связан с обсессивно-компульсивным расстройством. И теперь, слушая бессвязный рассказ пожилой лошадницы, гипнотизер вдруг осознал, что этот жест... *активировал* мальчика.

– Как вел себя Нико, пока был с вами? – спросил он.

– Шел за мной по лесу, молчал всю дорогу до дома; поел хлеба с молоком у печки... Но, по правде говоря, все время казался мне каким-то потерянным.

Джербер задумался: «потерянный» – вот самое подходящее слово, чтобы описать состояние ребенка.

– Вам ничего не говорит фраза: «Сначала три условия, потом вопросы»? – осведомился он, частично нарушая врачеб-

ную тайну. Но в данный момент он решил не придерживаться буквы закона, нужно было понять, откуда такой диссонанс.

Женщина в недоумении пожала плечами, потом спросила:
– Это Нико так сказал?

Джербер не ответил ни да, ни нет. Он ни словом не обмолвится о том, что ребенок обвинил себя в случившемся с матерью, но вытащит из старой лошадницы все, что можно. Он вдруг припомнил фразу без связи и смысла, которую ни с того ни с сего выпалил Николин.

– «Арнау раньше, чем остальные, догадался, куда он прилетит, но уже не мог ничего поделать», – процитировал он.

Старуха в ошеломлении выпрямилась. Очевидно, ей было известно что-то, чего Джербер не знал.

– Вы уже слышали это имя? Знаете, кто такой Арнау? – спросил он в нетерпении.

Владелица конюшни собиралась с мыслями, будто не понимала, с чего начать. Но потом сказала:

– Все во Флоренции знают, кто такой Арнау.

Практически никто даже вообразить не может, что десять процентов жизни проводит в темноте. Даже днем. Ибо, если подсчитать, сколько раз в среднем человек моргает, получится именно такая цифра.

По меньшей мере четыре секунды каждую минуту мы погружены во тьму, напомнил себе Пьетро Джербер. И даже не замечаем этого, хоть порой и выполняем задачу, требующую максимальной концентрации: например, бреемся опасной бритвой или ведем машину.

Давно известно, что автоматическое сокращение век призвано увлажнять глаза и избавлять их от загрязнений, к примеру, частичек пыли, рассеянных в воздухе. Но мало кто знает, что оно несет и еще одну важнейшую функцию: дает мозгу «отдохнуть». Действительно, в долю секунды между смыканием и размыканием век мозг получает передышку, безо всякого ущерба для действий, в которые он включен: грубо говоря, мы не порежемся бритвой и не устроим аварию на дороге, поскольку наш ум «продолжает видеть». Но если прервать или замедлить такой элементарный процесс, то сильно пострадает восприятие времени и пространства. Одна из излюбленных пыток флорентийских инквизиторов в Средневековье называлась «аббацинация» и состояла в том, что еретикам отрезали веки, чтобы заставить их признаться. В

самом деле, очень скоро те начинали видеть демонов и злых духов, но вся их ересь состояла лишь в том, что они теряли связь с окружающей действительностью.

Он казался мне каким-то потерянным.

Слова лошадицы хорошо описали угнетенное состояние Николина. Вот почему, заметив неподвижные веки мальчика, Джербер должен был насторожиться. Теперь гипнотизер испытывал серьезные сомнения: возможно, такая аномалия не присуща Нико искони, а обусловлена каким-то внешним фактором. Чтобы узнать, какова ее причина, психолог просто обязан был что-то предпринять.

Поэтому он сразу же отправился к себе в кабинет и теперь сидел перед монитором компьютера. Уже набрал имя «Арнау» в YouTube.

Пожилая женщина, скорее всего, преувеличила, утверждая, будто все во Флоренции его знают. Джербер, к примеру, ни разу о нем не слышал, и Бальди тоже. Но, судя по количеству видеороликов и комментариев, появившихся на мониторе, эпизод, благодаря которому Флоренция помнила Арнау, произвел фурор.

Дело было двадцать лет назад.

2 ноября 1999 года на стадионе Франки проходил матч Лиги чемпионов между «Фиорентиной» и «Барселоной». Среди прочих футболистов, строивших комбинации на поле, был один полузащитник, до сей поры имевший достойную, но негромкую репутацию рядового игрока. Его звали Мауро

Брессан, и до тринадцатой минуты первого тайма никто и представить себе не мог, что он войдет в историю Флоренции, даже он сам.

Проглядев запись, запечатлевшую его свершение, и прочитав комментарий, Джербер не мог не удивиться.

Телерепортаж показывал, что Брессан находился неподалеку от радиуса штрафной противника, когда увидел, как к нему летит высокий мяч. Он стоял спиной к воротам и должен был попросту принять мяч и попробовать передать его более одаренному товарищу. По крайней мере, это должен был подсказать ему его инстинкт вечного запасного.

Но – вот он, безумный порыв, граничащий с гениальностью.

Брессан подпрыгнул и нанес удар через себя. Мяч пролетел по невозможной параболе и попал в сетку за спиной вратаря *сине-красных*, Франсеска Арнау: в точности так, как сказал Николин, Арнау первым догадался, что мяч, летящий по такой траектории, окажется в его воротах. Раньше, чем товарищи по команде, раньше, чем зрители, раньше, очевидно, чем сам Мауро Брессан. Но ему оставалось только бесильно созерцать триумф баллистики, свершающийся на его глазах.

Джербер смотрел видео снова и снова, пытаясь понять, как спортивное достижение связано с историей Нико и его матери. Только одно пришло ему в голову: в 1999 году мальчик еще не родился.

Так откуда взялось воспоминание?

Может, он знал этот эпизод потому, что болел за «Фиорентину», – но такой вывод казался явным анахронизмом. Албанскому мальчику, который всего четыре года назад приехал в Тоскану, неоткуда было узнать такие подробности, сказал себе Джербер.

Информация проникла в его разум иным путем, уверился психолог.

Ужасное подозрение – и одновременно неодолимый страх. «Не вмешивайся, – твердил тоненький внутренний голосок. – Твоя задача выполнена». Джербер слишком хорошо знал, что к нему не прислушается; сначала психолог должен убедиться, что ошибается.

Он не моргает.

Психолог добавил эту запись в блокнот, так как был убежден: между физической аномалией, которую он успел подметить у мальчика, и футбольным матчем двадцатилетней давности есть связь. *Присутствие*, которое он ощущал, пока говорил с Николином, – не просто плод воображения. Он не смог бы четко это определить, ведь до сего момента не слишком доверялся некоторым вещам. Но после сегодняшней ночи уже и сам не до конца понимал, во что он верит, а во что нет.

Ибо ребенок вел себя как одержимый.

– Зачем? – сухо осведомилась Бальди по телефону.

С ней соединили только через двадцать минут, и Джербер боялся отказа хотя бы потому, что отвлек ее в самый критический момент, когда ее команда готовилась распространить новость о появлении несовершеннолетнего матереубийцы.

– Чтобы попробовать все. – То была правда, но лишь отчасти: следовало задобрить судью и одновременно обосновать свое желание снова увидеться с Николином. Джербер уже шел пешком к учреждению, куда поместили мальчика.

– А не выйдет ли, что мы просто собьем его с толку или вроде того?

Психолог понял, что судья решает, можно ли ему довериться. Ему удалось заронить мысль, что обвинение, по сути, не такое уж крепкое. Может, так оно и есть, но сейчас не время делиться подозрениями и излагать доводы. Тем более что судья вряд ли поверит в одержимость.

Было нечто инородное в разуме Нико... Что-то, что Джерберу не удалось вывести на поверхность во время сеанса гипноза. Или оно пришло извне, а психолог не смог это распознать.

Он попытался в нужном ключе подать судье историю о неподвижных веках и заключил:

– Я просто должен проверить, насколько ясно он осознает

происходящее: чем я могу ему навредить, если еще немного поговорю с ним? По сути, вы уже занесли в протокол все, что вам нужно.

У них было признание, которое, вероятно, подтвердится вскоре, когда будет найден труп. Поэтому Бальди нечего было опасаться.

– Я не собираюсь его гипнотизировать, – добавил Джербер, чтобы окончательно ее успокоить.

– Гипноза не будет?

– Не будет, – пообещал Джербер, поскольку был убежден, что гипноз не понадобится.

– Хорошо, – сдалась Бальди. – Я предупрежу их о твоём приходе, но ты потом сразу же отчитайся передо мной, – строго сказала она напоследок.

Они закончили телефонный разговор, когда Джербер уже почти пришел. Было только семь часов утра, и психолог прикинул, что если он ошибся, то еще успеет вернуться к себе в кабинет и принять первого пациента.

Больше всего на свете он хотел убедиться, что ошибается.

Нико поместили в здании, расположенном неподалеку от базилики Санта-Мария Новелла и одноименного железнодорожного вокзала. Безымянное учреждение становилось последним прибежищем для несовершеннолетних, которые по причине юного возраста не подлежали суду и тюремному заключению. Они оставались там на неопределенный срок, пока не будет установлено, что они готовы вернуться к обыч-

ной жизни в обществе. На окнах не было решеток: здание находилось под охраной как памятник архитектуры. *Синьор Б.* всегда твердил, что во Флоренции любой камень пропитан историей. Институт, дом для малолетних преступников не был исключением. Однако он не походил на мрачный застенок еще по двум причинам. Во-первых, ради детишек, которые содержались внутри. Но также и для того, чтобы защитить внешний мир от мысли, что где-то есть дети, способные убивать. И когда у Джербера спрашивали, существуют ли такие места, он всегда отвечал «нет».

Психолог уже бывал там раньше, выполняя работу судебного консультанта. Поэтому знал, что юные обитатели дома запятнали себя ужасающими преступлениями. В криминальных талантах эти детишки не уступали взрослым и были столь же безжалостны. Но с одним преимуществом: возраст служил им обманчивой маской, благодаря ему многие могли манипулировать жертвами, усыпляли их бдительность, прежде чем нанести яростный удар.

Джербера встретила в дверях сотрудница лет сорока с темными волосами, завязанными в хвост, и в очках с диоптриями. Бальди уже ввела ее в курс дела.

– Николина поручили мне, – пояснила сотрудница, со всей сердечностью представляясь.

Для каждого несовершеннолетнего – отдельный сотрудник: таково правило. Сотрудники прежде всего должны были следить за поведением подопечных, особо отмечая про-

явления агрессии и внезапные смены настроения. Их отчеты подшивались в личное дело, но основной целью было установить, может ли субъект, став взрослым, повторить совершенное преступление.

Пока они шли по коридорам, женщина описывала внутренний распорядок: дети уже пробудились и завтракают в соответствии с расписанием школьных занятий, которые начинаются ровно в восемь. Николин от них освобожден, поскольку находится здесь первый день.

— Его привезли пару часов назад, он не успел как следует отдохнуть, — говорила женщина, пока они проходили через несколько постов охраны. — Он самый младший, поэтому мы выделили ему отдельную комнату, но после подумаем, не перевести ли его к остальным.

То, что женщина назвала комнатой, в действительности представляло собой самую настоящую тюремную камеру. Джербер взглянул на Николина в глазок запертой двери. Он сидел на краю кровати, сгорбившись, стиснув руки между колен. На нем уже не было той одежды, в которой его нашли в лесу: как и другим обитателям дома, ему пришлось облачиться в белый комбинезон. Взгляд его устремлялся вверх, к единственному окошку, откуда просачивались первые утренние лучи.

— Как дела? — спросил психолог, войдя. — Помнишь меня? Джербер, однако, знал, что не получит ответа.

— Он уже давно так сидит, — подтвердила женщина. — Ни-

чего не говорит и не делает, но совершенно спокоен.

Тогда Джербер сел рядом с ним, ласково погладил по голове, ероша белокурые волосы.

– Ты рад, что я пришел тебя провести?

Николин даже не взглянул на него, он как будто впал в кататонический ступор.

– Конечно рад, – ответила за него сотрудница тем снисходительным тоном, каким многие взрослые кстати и некстати говорят с детьми.

Однако Джербер не был уверен, что Нико счастлив снова видеть его. Это явно не так. Он даже не знал пока, с каким странным феноменом имеет дело и так ли безобиден Николин, как хочет казаться. Обычные вопросы задавались в расчете на сотрудницу, которая и в самом деле вскорости ушла.

– Вернусь через полчаса, – радостно сообщила она. – И возможно, принесу вам чего-нибудь позавтракать.

– Грандиозно, – разулыбался Джербер. Но как только сотрудница удалилась, улыбка сошла с лица.

Он обещал Бальди, что не станет гипнотизировать Нико, но только потому, что был убежден: повторять обычный ритуал с метрономом и обратным отсчетом не потребуется. Не теряя времени, он вытащил из кармана смартфон. Пронести иголку в здание колонии невозможно из-за контроля. Но психолог был уверен, что кто-то, предусмотрев такое препятствие, подсказал иное решение.

Если его предположения верны, он знал, как снова актив-

вировать мальчика.

Он нашел в телефоне видео с голом Брессана, который тот забил во время матча между «Фиорентиной» и «Барселоной», и показал экран Николину. Включил воспроизведение.

Джербер и надеялся на результат, и пребывал в смятении. Думал о Лавинии, о том, что девочка так и не смогла отворить запертую дверь внутри своего сознания. Как можно предполагать, что у нее это получится, если ее доктор сам не в состоянии это сделать? Разве что порог, через который спешил переступить Пьетро Джербер, вел в неизведанную бездну. И он не знал, уповать ли на Бога или на собственные опыт и знания.

Ролик уже подходил к концу, но Джербер заметил, что Нико расцепил руки, расправил плечи. Это знак. Дверь в его сознание открылась, чтобы гипнотизер мог проникнуть туда.

Он убрал смартфон.

– Как видишь, я выяснил, кто такой Арнау, – произнес он, обращаясь к мальчику. – И кажется, понял, почему ты счел нужным сообщить мне об этом... Думаю, это какая-то проверка, ты хотел испытать меня. Или я не прав?

– Прав, – невозмутимо проговорил Нико.

– Ты выбрал эпизод из прошлого, давая понять, что я говорю не с двенадцатилетним мальчиком, а со взрослым... Ведь я сейчас говорю не с Николином, правда?

Мальчик молчал. И молчание это вгоняло Джербера в

дрожь.

Потом, как и в первую их встречу, пациент монотонно повторил:

– Сначала три условия, потом вопросы.

Смятение психолога дошло до предела. Но он, хотя и был напуган, старался говорить спокойно:

– Хорошо: скажи, что это за условия...

Мальчик как робот принялся перечислять:

– Первое: ты не должен ни с кем говорить обо мне. Второе: ты выслушаешь все, что я имею сказать... *до самого конца*. – Последние слова он особенно выделил.

Джербер взвесил в уме все затруднения, какие встретит он, пытаясь выполнить эти требования. Он не имел возможности встречаться с Нико как и когда заблагорассудится и не имел права держать эти встречи в секрете. Он не был уверен, что может заключить подобный договор, но все же спросил:

– Какое третье условие?

– Ты не должен искать меня там, снаружи.

Последняя фраза подтвердила теорию, которая зародилась у психолога с самого начала. Устами ребенка говорит тот, кто похитил его и удерживал у себя восемь долгих месяцев. Поэтому, когда в игровой комнате Нико сказал: «Это сделал я», свою вину признавал тот, другой.

– Что стало с матерью Николина? – робко осведомился Джербер.

Но вопрос не вызвал никакой реакции: похоже, на ка-

кие-то ответы ребенок не был запрограммирован.

Джербер тревожился все сильнее.

– Если я приму твои условия, что получу взамен?

Никакого ответа.

– Ты заходил вчера ко мне в мансарду, оставил иголку в яблоке... – Это утверждение не вызвало отклика, но Джербер заранее знал, что так будет. Тот визит преследовал двойную цель: предоставить инструмент, чтобы запустить речь мальчика, и дать понять, что манипулятор близко, гораздо ближе, чем Джербер мог себе представить. – Если ты как-то затронешь моих пациентов, будешь иметь дело со мной, – пригрозил он, зная, что это бесполезно, ведь тот, с кем он на самом деле говорил, не мог его слышать.

Нико был чем-то вроде устройства, воспроизводящего то, что было записано в его разуме, будто на магнитной пленке. Вот почему он говорил без акцента.

Но по той же причине Джербер понял – в данный момент можно пообещать все, что угодно: любая договоренность просто позволит выиграть драгоценное время, чтобы лучше осознать, что происходит и насколько это опасно.

– Хорошо, – проговорил он. – Сделаю так, как ты просишь.

На лице Николина не дрогнула ни одна черта, мальчик дышал размеренно, погруженный в состояние покоя, как золотая рыбка в аквариум.

Джербер хотел задать еще один вопрос, но боялся того,

что может услышать на этот раз. Все-таки выбора не было, хотя побуждало его не любопытство, а, парадоксальным образом, тот же страх, который сковывал уста.

– Кто ты такой?

Слабая улыбка.

– Ты сам знаешь, кто я...

Да, так и есть: Джербер знал.

– Ты – гипнотизер.

Пьетро Джербер и подумать не мог, что так быстро вернется в нагоняющий тоску коридор суда по делам несовершеннолетних, но он прервал сеанс с Нико, чтобы обо всем доложить Бальди. В конечном счете он ей это обещал. Но в данный момент судья была занята как раз на пресс-конференции по этому делу, и Джерберу пришлось дожидаться.

– Тебя плохо слышно, мы можем созвониться позже? – Из-за того, что стены старинного здания были слишком толстыми, сотовая связь работала плохо. Поэтому Джербер нервно расхаживал взад-вперед, ища какое-то место, откуда можно поговорить.

– Нет, мы должны решить этот вопрос сейчас, – твердо ответила Сильвия.

Бывшая жена выбрала для звонка самый неподходящий момент, но Джербер решил дать ей выговориться. Тем более что знал, о чем пойдет речь. Пока сигнал то появлялся, то пропадал, он обдумывал, как лучше преподнести Бальди то, что произошло. Непросто будет это обобщить, тем более подать так, чтобы неспециалист мог поверить. Одно объяснение пришло ему на ум, и психолог, прижимая неработающий мобильник плечом к уху, извлек авторучку и попробовал набросать свои мысли в черном блокноте:

Николин кажется невозмутимым потому, что его сознание на время отключено, он находится в состоянии непрерывного транса. Он как будто под гипнозом, в который его погрузил похититель, и этот гипноз работает постоянно.

Джербер верил, что сможет освободить мальчика, но человек, проделавший это с ребенком, кем бы он ни был, заслуживал наказания. Поэтому психологу было плевать на три условия оголтелого безумца. И если иголка была воткнута в яблоко еще и затем, чтобы его утратить, этот тип сильно ошибался: Джербер не позволит давить на себя.

– Ты никогда не звонишь, – упрекала Сильвия. Ее голос то прорывался время от времени, то снова пропадал. – Если бы я тебе не писала, ты даже не знал бы, как дела у твоего сына.

Перед Джербером предстали желтые тюльпаны, которые он купил для жены прошлым вечером и которые теперь увядали в мусорном ведре. Он хотел бы сказать жене, что не звонит по одной простой причине: в его сознании и она, и Марко до сих пор живут в их доме во Флоренции и он вынужден каждый день заниматься самогипнозом, дабы устранить тот факт, что их больше нет в его жизни. Бросить ей в лицо, что ему осталась лишь проклятая видеокассета, жалкие сорок минут мучительных воспоминаний, к которой он прибегает каждый вечер, словно наркоман к метадону, чтобы побороть зависимость от прошлого. Но так ничего и не сказал; пусть Сильвия перечисляет все его изъезды как быв-

шего мужа и отца.

Тем временем тысячи мыслей вращались у него в голове.

Нужно будет объяснить Бальди, что версия о добром самаритянине, то есть о третьем персонаже, появившемся на сцене исчезновения матери и сына, не совсем ошибочна. Но то не был проезжавший мимо автомобилист и уж никак не благодетель. Ведь в игровой комнате таинственный гипнотизер голосом Николина обвинил себя в том, что нарочно проколол шину.

Слова «это сделал я», неоднократно повторенные, навели на мысль о тщательно разработанном плане.

Может быть, неизвестный завлек женщину и ребенка на лесную дорогу. Или они часто ездили туда, а злоумышленник этим воспользовался. В самом деле, поломка машины в безлюдном месте – идеальный план, чтобы направить следствие по ложному следу.

Другое соображение неопровержимо: он выбрал этих людей заранее.

Неприкаянные, без постоянного места жительства, оба иностранцы. Никто не станет слишком усердно их искать. Но похитителю был нужен только мальчик, сказал себе Джербер. При таком раскладе мать лишняя, ее можно устранить. Это делает из незнакомца убийцу, о чем не следует забывать.

– А еще, с твоего позволения, я начала новую жизнь. – Сильвия вновь властно завладела его вниманием.

Такое уточнение его раздосадовало, можно было об этом

и не упоминать.

– Я никогда ничего плохого не говорил о твоём новом друге, – отозвался Джербер.

– Он не просто друг, – вспыхнула Сильвия. – Он мой же-
них.

Потом её голос снова пропал, и Джербер молился, чтобы связь прервалась окончательно и можно было отключить мобильник. Глагол «отключить» снова привел его к Николину: именно это и случилось с ребенком. Похититель постарался выбрать плохо адаптированного подростка, чтобы от души манипулировать им. Психолог припомнил разные методы, с помощью которых гипнотизер мог проникнуть в голову Нико. Джербер хорошо их знал. Они входили в практику принудительной идеологической обработки, обычно называемой «промыыванием мозгов».

Первая фаза – изоляция.

Если хочешь, чтобы кто-то поверил тому, что противоречит его собственному опыту или, к примеру, воспитанию, полученному в семье, следует увезти его прочь от остального мира и держать вдали от всего, что ему известно. Типичная тактика милленаристских сект: так они гарантировали, что их приверженцы окажутся полностью погруженными в постижение религиозных предписаний.

Ребенок подвергнулся заключению где-то в уединенном месте, подумал Джербер и решил, что именно это он в первую очередь подскажет Бальди и карабинерам, чтобы те

начали охоту за похитителем.

Вторая фаза – контроль.

Она состояла в том, чтобы помешать субъекту, чей ум предстоит извратить, вступать в контакт с идеями, противоречащими тем, какие надобно внушить ему. Соответственно, никаких телефонов, телевизора или интернета. Но главное, никаких посторонних контактов с людьми.

Он провернул все в одиночку, сказал себе Джербер. У того, кто загипнотизировал Нико, не было сообщников.

Третья фаза – неуверенность.

Внушить субъекту, что внешний мир не нуждается в нем, его отвергает или даже переживает катастрофу, чуть ли не апокалипсис. Многим манипуляторам удавалось убедить своих жертв в том, что они последние люди на Земле.

Дальше следует четвертая фаза: повторение.

Твердить до бесконечности одно и то же, пока оно не войдется намертво или не угнездится в форме наваждения. После такой обработки оспаривание или видоизменение приобретенных истин причиняет жертве физическую боль, вплоть до потери сознания. Перед нами так называемое «безоговорочное подчинение», в результате субъект действует не раздумывая, лишенный возможности критически оценивать свои действия. Так Николин механически повторяет факты, сообщенные кем-то другим.

Наконец, наступает фаза эмотивного перевоспитания, или «новой матери», когда манипулятор делает жертву окон-

чательно зависимой от себя, как это бывает между родителями и детьми.

Вот почему Джерберу будет нелегко, фигурально выражаясь, отнять Нико от груди. И об этом он должен сказать Бальди, как только та его примет.

Больше всего удивляет и одновременно вызывает тревогу то, что для достижения подобного результата вовсе не нужно прибегать к принуждению или насилию. Достаточно создать правильную среду для субъекта, а также располагать должным запасом времени.

Восемь месяцев – идеальный срок, прикинул психолог. Пациент превращается в подопытного кролика.

Естественно, чтобы завладеть чужим сознанием, нужно обладать огромной компетенцией. И Джербер боялся, что их противник – не только бессовестный человек, но и безгранично опытный специалист.

Для тех, кто пользуется техниками психологического внушения, не заботясь о здоровье или благополучии субъекта, подвергаемого гипнозу, есть специальное название.

«Сказочники».

– Честное слово, я не понимаю тебя, – расслышал Джербер из телефона, подойдя ближе к широкому окну. Он нашел место, где сотовый ловил, но не был уверен, что это к добру. Сильвия продолжала: – Если мы хотим поддерживать честные отношения, надо научиться уважать друг друга. И ты не вправе поступать, как тебе заблагорассудится.

– Я не поступаю, как мне заблагорассудится, – возразил Пьетро.

– Тогда почему ты продолжаешь так себя вести?

Что, черт возьми, она несет? Что имеет в виду?

В этот момент дверь в кабинет судьи Бальди отворилась. На Джербера налетела плотная группа журналистов, телеоператоров и фотографов, выходивших оттуда. Потом и судья показалась на пороге.

– Прости, что заставила тебя ждать, Пьетро. Заходи, но предупреждаю: я очень спешу, – сказала она, приглашая психолога в кабинет.

Но Джербер жестом показал, что должен закончить разговор.

– Объяснись, пожалуйста, прошу тебя, – сказал он Сильвии, стараясь не разозлить ее еще больше. Он и в самом деле не понимал.

– Да ладно, ты прекрасно знаешь, о чем я... – продолжала она. – Наш сын расстроился, да и мой жених думает, что твой поступок неуместен.

– Но я ничего не сделал, – снова стал защищаться Джербер. И вдруг понял: она позвонила не для того, чтобы, как обычно, отвести душу. Была какая-то причина. – Не стану больше слушать, хватит с меня твоих инсинуаций, – прикинулся он возмущенным. Нужно было, чтобы она высказалась до конца, но при этом не следовало ее пугать.

– Цветы, – раздраженно произнесла Сильвия.

Джербер напрягся.

– Какие цветы?

– Желтые тюльпаны, которые ты прислал мне сегодня утром.

Одно из условий хорошего брака – знать друг о друге то, чего никто другой не знает. Сильвия всегда это повторяла. Тайная ее страсть, о которой только Пьетро знал, касалась цветов. Для всех и каждого она любила орхидеи. Но только ему, мужу, была доверена правда.

Желтые тюльпаны.

Не бог весть какой секрет, просто маленькая тайна, о которой они условились еще в период ухаживания. И пообещали друг другу, что это останется строго между ними навсегда и несмотря ни на что.

Поэтому только Пьетро мог подарить Сильвии ее любимые цветы.

Поэтому, входя в кабинет Бальди после разговора с бывшей женой, Джербер обнаружил, что у него пересохло во рту. От волнения.

– Ну как прошло? – спросила судья, открывая окно, чтобы проветрить комнату: ей не терпелось узнать, насколько успешным был второй разговор с Николином.

Но Джербер, остолбенев, не мог вымолвить ни слова, язык прилип к небу, словно он наглотался песку. И все же он знал: надо что-то придумать за несколько секунд, иначе судья догадается, что дело нечисто. Правду сказать он не мог.

Первое: ты не должен ни с кем говорить обо мне.

– Не так-то легко это объяснить, – проговорил он, только чтобы выгадать время. Из головы не выходила ненавязчивая угроза сказочника, который предупредил его, послав Сильвии желтые тюльпаны.

Любимые цветы жены, их романтический секрет.

Пока он прикидывал, что сказать, его осаждали предположения разного рода. «Он много знает обо мне и о моем прошлом», – в ужасе думал Джербер. Противник владеет информацией, к которой никто не должен был иметь доступа, а Пьетро не знает о нем ничего.

– Ну так что? – поторопила его Анита Бальди.

Вдруг сильным порывом ветра, задувшего из окна, сорвало листки с коллажа на стене за столом судьи. Рисунки, подаренные детьми, разлетелись по комнате, женщина бросилась подбирать их с пола.

– Смотри ты, какая напасть, – пожаловалась она.

То, что она отвлеклась, однако, дало Джерберу еще немного времени, чтобы обдумать стратегию. Этот человек опасен, сказал себе психолог. Он уже убил мать Николина. У него есть четкий план, он ни перед чем не остановится, чтобы исполнить задуманное.

– Я решил отозвать свою подпись с экспертного заключения, которое составил ночью, – выпалил Джербер. – Я не могу подтвердить признание, сделанное мальчиком под гипнозом в игровой комнате, – добавил он для пущей ясности.

Это заявление поразило Бальди, она поднялась с пола,

держа рисунки в руках. Лицо изумленное, рассерженное.

– Что заставляет тебя так поступить? Объясни мне, пожалуйста, почему ты передумал?

Джерберу было горько так обходиться со старым другом.

– Сегодня утром я нашел к Николину другой подход и думаю, что мне нужно больше времени, чтобы оценить его состояние.

Он действовал наобум, очертя голову. Поскольку то, что мальчик сказал под гипнозом, не имело доказательной силы, Бальди спокойно могла обойтись без признания и отправить психолога восвояси. По сути, слова Николина всего лишь послужили поводом для того, чтобы карабинеры начали искать труп его матери, а его поместили под замок, чтобы не сбежал и не повторил преступления, в котором сам себя обвинил.

– Ладно, забирай свое заключение, – невозмутимо проговорила судья. Но, судя по тону, она была разочарована и рассержена.

– Я сделаю публичное заявление, – возгласил Джербер и, чтобы подкрепить угрозу, сделал шаг вперед. – Скажу прессе, что, по моему мнению, мальчика нужно подвергнуть повторному обследованию.

Бальди пристально посмотрела на него, пытаясь понять, всерьез ли он это сказал.

– Ты доставишь мне неприятности, но свою репутацию погубишь навсегда...

То была чистая правда: профессиональный союз психоло-

гов наложил бы на него дисциплинарное взыскание за нарушение медицинской этики, которая не позволяет разглашать подробности общения с пациентами. Но если он перед всеми отречется от того, что черным по белому изложил на бумаге, это может повлечь и более тяжкие последствия: никто больше не доверится ему. Придется распрощаться с работой, которую улеститель детей ставил превыше всего. Но его семья могла оказаться в опасности, и в данный момент он не видел других вариантов.

– Знаю, – заявил он, стараясь не выдать своих истинных чувств. Если Бальди не дрогнет, ему конец.

– Послушаем, чего ты хочешь... – вдруг снизошла судья. Джербер надеялся, что она сама догадалась: существует причина, в силу которой он вынужден так поступить, и разглашать которую не вправе. Может быть, старая знакомая и впрямь стремится ему помочь.

– Я хочу провести еще несколько сеансов гипноза – начиная с сегодняшнего дня.

– Сколько времени это продлится? – спросила Бальди.
Второе: ты выслушаешь все, что я имею сказать... до самого конца.

– Столько, сколько я сочту нужным, – заявил психолог, надеясь, что тело матери Николина найдут как можно позже, ведь, как только это случится, его угрозы в адрес Бальди уже не будут иметь никакой силы.

Судья подошла к столу, сложила собранные рисунки и

взяла телефонную трубку.

– Скажу директору института, чтобы привезли мальчика сюда: тебе предоставят игровую комнату и все необходимое для работы.

– Нет, – остановил ее Джербер. – Сеансы должны проходить в моем кабинете.

Бальди уставилась на него, желая показать, что он берет на себя слишком много.

– Сеансы должны записываться на видео, записи расшифровываться, и никаких разговоров.

– Мне нужна обстановка, незнакомая Николину, я должен заново установить контакт с его разумом, иначе он не раскроется. – Это было верно только отчасти, но Джербер полагался на то, что судья собственными глазами видела, как трудно было разговаривать мальчика в первый раз.

Бальди долго молчала. Джербер молился, чтобы ответ был благоприятный.

– Не знаю, зачем я иду тебе навстречу, Пьетро, – вздохнула судья, которую обычно было нелегко уломать. – Но надеюсь от всего сердца, что у тебя есть веская причина, потому что отныне и впредь ты останешься совершенно один.

– Знаю, – твердо выдерживая ее взгляд, проговорил психолог.

Ты не должен искать меня там, снаружи.

Он сам будет охотиться на сказочника. В одиночку.

Внутри нас есть место, отдаленное и неизведанное. Гипнотизеры называют его «затерянной комнатой». Никто точно не знает, где она находится и как туда попасть. Это нечто вроде чулана, куда мы год за годом запикиваем все, что нам в нас самих не нравится, или складываем отходы нашего подсознания. Обычно это такие секреты, которых мы сами не постигаем или которые отказываемся принимать во внимание. Грязные инстинкты, потаенные мысли, не поддающиеся осмыслению страхи, самые извращенные желания.

Николин находится там. Сказочник запер его в эту темницу. Ему оставлена на самом элементарном уровне способность общаться с другими людьми и с окружающей средой.

Из затерянной комнаты нет выхода. И мальчик там один.

На нем был белый комбинезон из института, его сопровождали уже знакомая Джерберу сотрудница и двое охранников. Психолог стоял в коридоре у стены, скрестив руки, и смотрел, как с мальчика снимают наручники.

Ребенок в наручниках – просто сюрреалистическая картина.

Николин покорно подчинялся. Глаз не сводил с двери в комнату *синьора Б.*, долгие годы закрытую, будто бы знал, что за нею – джунгли из папье-маше. Такое случилось со всеми детьми, впервые заходившими в мансарду: необъяснимым образом они останавливались перед этой дверью, будто их завораживал скрытый за тонкой преградой маленький фантастический мир, который давным-давно исключительно для них сотворил первый доктор Джербер.

– Вы точно не хотите, чтобы мы остались? – спросил один из охранников, располагающий к себе здоровяк.

– Спасибо, но я бы предпочел, чтобы вы подождали на улице. Я вас позову, когда мы закончим, – выпроводил их гипнотизер.

Охранники, которым было велено выполнять все его требования, без возражений направились к выходу.

Сотрудница в очках не сдвинулась с места. Она вела себя совсем не так, как в прошлый раз. В выражении лица, в манерах – никакой сердечности, чуть ли даже не открытая враждебность по отношению к Пьетро Джерберу. Но после выразительного обмена взглядами и она решила последовать за охранниками.

Улеститель детей ввел Николина в свой кабинет.

– Можешь устроиться здесь, – сказал, указывая на кресло-качалку. – Оно очень удобное.

Мальчик повиновался. Психолог не мог определить, какие именно действия он выполнял по собственной воле. Это

казалось невероятным, но, заперев ребенка в затерянной комнате, некто вложил в него определенную программу поведения, позволив принимать самому лишь ограниченное количество решений.

Нико волен есть, спать, двигаться, следовать некоторым привычкам, совершать мелкие обыденные действия – например, чистить зубы или чесать нос, если чешется.

Делая эту запись, Джербер вспомнил о «секте дерева» на Филиппинах: там в лесу нашли около тридцати последователей некоего святоши, которые по команде синхронно выполняли одни и те же движения, словно в каком-то абсурдном балете. Потребовались месяцы, чтобы снять заклятие, но многим так и не удалось пробудиться, выйти из такого состояния.

Они как будто заблудились в собственном рассудке. Вынуждены были оставаться там и скитаться вечно.

Гипнотизер подошел к мальчику. Бережно обхватил ладонями его лицо, заглянул в глаза.

– Прежде чем мы начнем, я хочу сказать тебе одну вещь, Нико... Знаю, ты где-то есть и можешь меня слышать.

Мальчик не пошевелился, устремленные на Джербера немигающие глаза оставались пустыми.

Потерянный.

Так определила его владелица конюшни, рассказывая, как

он ел хлеб с молоком, сидя перед печкой.

— Наверное, тебе страшно, ведь ты не знаешь, где находишься, — продолжал гипнотизер. — Все же наберись мужества и доверься мне. Потому что я найду тебя и выведу на волю. — И добавил под конец: — Мы вместе вернемся домой, обещаю.

Джербер надеялся, что эти слова достигли Николина, где бы он ни был.

Психолог полагался на то, что со временем получит ответы на все свои вопросы и дело мало-помалу проявится. Теперь он был готов к следующему шагу.

Как и в игровой комнате, в его кабинете были скрытые камеры, спрятанные за картинами или вложенные в игрушки, расставленные на полках. Обычно гипнотизер записывал сеансы. Но чтобы не нарушать условий сказочника, в случае Нико пришлось сделать исключение.

Все, что произойдет, останется между ним и мальчиком.

Поэтому он всего лишь задернул шторы. Дневной свет померк, стал красноватым, вроде вечно длящегося заката. Потом психолог уселся в свое кресло, протянул руку к качалке, слегка ее толкнул. Мальчик весь напрягся, вцепившись в подлокотники. Джербер нагнулся, поднял что-то с красного ковра.

Желтый тюльпан. Положил его мальчику на колени.

Джербер догадался, что его коллега создал несколько уровней в сознании Николина. Чтобы добраться до каждо-

го, требовалась особая отмычка. В первом случае – иглолка с ниткой и пуговица. Во втором – видеоролик с голом, забитым во время давнего футбольного матча. Теперь он предполагал, что сработает любимый цветок Сильвии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.